

Салахаддин ХАЛИЛОВ

ЛЮБОВЬ И ИНТЕЛЛЕКТ

ФИЛОСОФСКИЕ ЭССЕ

Салахаддин ХАЛИЛОВ

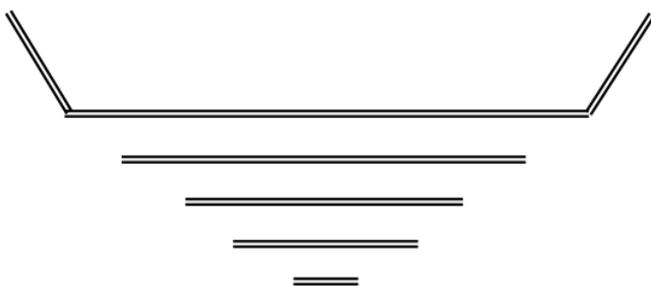
Любовь и интеллект

М.: ООО «ИПЦ “Маска”», 2009 – 202 с.

Эта книга – собрание философских эссе об осознанной любви, где речь идёт о ее сущности и содержании, формах, составных частях и связи с другими духовными явлениями. Несмотря на то, что книга является результатом научно-философских исследований, благодаря простоте изложения она может представлять интерес также для широкого круга читателей, в особенности, для молодежи.

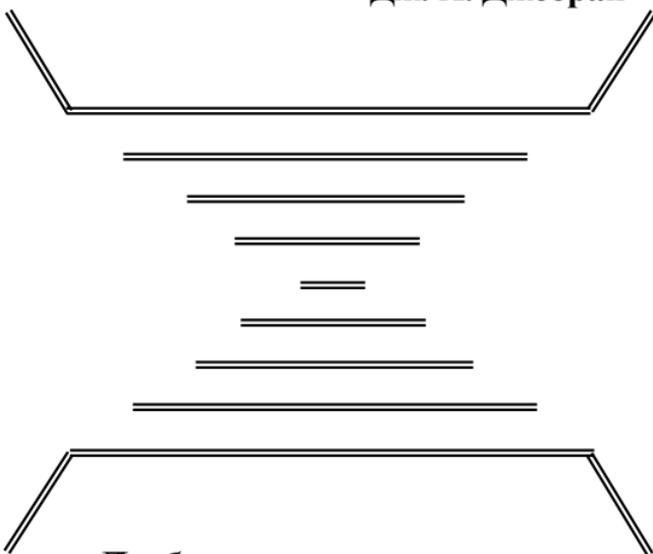
Любовь – душа души.

Н. Гянджеви

*Чувство и разум, как
парус и штурвал корабля жизни;
один приводит к
движению, другой направляет.*

Дж. Х. Джебран

*Любовь – самая сильная
из всех страстей, потому что
она одновременно завладевает
головой, сердцем и телом.*

Ф. Вольтер

Предисловие

Тема любви на протяжении многих веков была в центре внимания мыслящих и любящих людей. Конечно, есть люди, которые влюбляются, не думая об этом, но есть и те, кто об этом много думая, так и не полюбил. Радость любви не всем предназначена судьбой, а любить и быть любимым – удел лишь избранных.

Эта книга не о тех, кто довольствуется самим фактом любви и не стремится осознать свои чувства, и не о тех, кто старается имитировать любовь в рамках логического мышления. Это – собрание эссе об осознанной любви, где речь идёт о сущности и содержании любви, о её формах, составных частях и связи с другими духовными явлениями.

Но возможно ли в принципе осознание любви и создание на этой основе её теории?

И есть ли в этом необходимость?

Конечно, для самого влюблённого это как бы не имеет значения. Но чтобы правильно сочетать любовь с другими чувствами, чётко определить в обществе статус влюблённого, сформировать к нему адекватное отношение, необходимо правильное определение социально-духовной инфраструктуры этого явления и его места среди других духовных процессов. Иными словами, чтобы полюбить, не требуется познания этого чувства; оно необходимо, прежде всего, для «прихода в себя» после любви, для перехода в новое уравновешенное состояние души, а также для формирования разумного отношения в семье и обществе к влюбленным.

Для правильного ориентирования системы нравственных ценностей и социально-правовых норм по отношению к этому вопросу существует серьёзная социальная потребность в превращении самой любви в объект исследования, в изучении

её структуры, разновидностей, движущих сил и мотивов.

Поэты, как правило, воспевают любовь, прозаики освещают связанный с ней социальный драматизм, психологи пытаются изучить роль и мотивацию любви в поведении и духовной жизни человека, в социальной психологии и социологии эта проблема, в основном, рассматривается в контексте общения, семьи и локальных социальных групп; но ни один из этих подходов не способен раскрыть сущность любви. Философы же всегда касаются этой темы с осторожностью и скупостью. Поскольку любовь проявляется в самых глубоких уголках духовного мира человека и, в основном, относится к сфере бессознательного, очень трудно объяснить её с помощью логического мышления. Но, в любом случае, ответственность ложится на философию, ибо эта тема касается области, куда наука, вообще, не может вступить. На «тонких струнах души» лучше играют поэзия и музыка, однако, как сказал Дж.Х. Джебран, «когда Жизнь не находит певца, чтобы он пел её сердце, она

рождает философа, чтобы он измолвил её разум»¹.

Тем не менее, ещё с древних времён не только на Востоке, но и на Западе тема любви была во власти поэзии. В западном мире, начиная с Гомера, такие поэты-мыслители, как Шекспир, Байрон, Гёте добились больших успехов в деле освещения мира любви. Философы же намного позже отважились изучать эту проблему. Несмотря на то, что возвышенное чувство любви традиционно называется «платонической любовью», ни Платон, ни другие древние философы не создали какое-либо монументальное учение, способное сравниться с концепцией божественной любви суфизма*.

Да, эта тема и на Западе долгое время была в ведении поэтического мышления, а посвященные этой проблеме фундаментальные философские труды и эссе были созданы лишь в Новое время. Среди

¹ Дж. Х. Джебран. Избранное. Л., 1986, стр. 244.

* Суфизм – эзотерическое мировоззрение в исламе.

них можно особо отметить книгу Э. Сведенборга «Супружеская любовь»¹, эссе Стендаля «О любви»², произведения В. Соловьева «Смысл любви»³, Э. Фромма «Искусство любить»⁴, Д. Гильдебранда «Метафизика любви»⁵. Но на Западе такие фундаментальные исследовательские труды не создавались на пустом месте или только на литературно-художественном материале. Платон в своем произведении «Пир», Плутарх в диалоге «Об Эротe», Б. Спиноза в своем кратком трактате «О Боге, человеке и его счастье» уделили особое место теме любви. Все другие философы тоже время от времени касались этой темы, отмечали её значительное место в жизни человека.

¹ Э. Сведенборг. Супружеская любовь. М., 2002, 544 с.

² Стендаль. О любви. – Собрание сочинений в 15-и томах, том 4, 1959.

³ Вл. Соловьев. Смысл любви: Избранные произведения. М., Современник, 1991.

⁴ Э. Фромм. Искусство любить. – Душа человека. М., «Республика», 1992, стр. 109-179.

⁵ Д. Гильдебранд. Метафизика любви. Санкт-Петербург, 1999, 629 стр.

Может возникнуть вопрос, возможна ли разработка и создание современным исследователем более адекватного учения на столь традиционную тему? После посвященных этой теме произведений таких великих мыслителей, как Платон, Гегель, Вл. Соловьев, Ж. Сартр, Э. Фромм, сказать какое-либо новое слово, естественно, очень сложно. Однако тема любви является традиционно восточной темой. Вместе с тем, автор, приняв во внимание традиции Востока в теме любви, или, другими словами, соединив два различных подхода, попытался взглянуть на вопрос в иной плоскости.

В книге не одобряется ни восточный максимализм и мистика, ни позиция чрезмерного западного рационализма и прагматизма. И приземляющие любовь западные эротические романы, и возвышающая её до небес восточная поэзия считаются неприемлемыми. Отдаётся предпочтение изучению расположенных между этими крайностями «разумных» проявлений любви. В отличие от чувства божественной любви, индивидуально-человеческая любовь находится где-то между землёй и

небом. С этой точки зрения можно подумать, что мы отдаём предпочтение западным учениям. Однако в XX веке тема любви и на Востоке в значительной степени рационализировалась и привлекла внимание философов. На мой взгляд, здесь следует особо отметить книгу известного турецкого философа Хилми Зия Улькена «Этика любви»¹.

В современный период в условиях вытеснения «массовой культурой» классического литературно-художественного наследия, низвержения темы любви с небес на землю и её вхождения в дома через средства массовой информации, одной из актуальных задач нашей духовной жизни является привлечение внимания молодого поколения вновь к платонической любви, к её высокому значению. Кроме того, в отличие от понимания любви как чистой идеи (Платон, Физули) или как чистого психо-физиологического явления («Кама-Сутра», З. Фрейд), автор выступает за синтетическое единство этих двух факторов и

¹ *H.Z.Ülken. Aşk Ahlakı. İstanbul, "Dünya", 2004, 352 s.*

стремится представить читателям основы более реалистичного учения. В этом смысле надеемся на то, что это произведение будет полезным не только для специалистов, но и для широкого круга читателей, в особенности, для молодёжи.

Настоящее издание представляет собой переработанный и дополненный вариант книги «Любовь и интеллект. Философские эссе» (Баку, «Нурлан», 2006, 176 стр.: на азербайджанском языке).

В конце автор хотел бы поблагодарить *Мехпару Гулиеву* и *Кемалю Умудову* за оказанную помощь в подготовке русского варианта книги, а также поэтессу *Анну Барткулашвили*, которая перевела стихи, ранее не изданные на русском языке.

Чувство любви

*В страсти я теряю себя,
но нахожу тебя.*

Ибн Араби

*Любовь – это забыть себя в
другом «Я» и в этом исчезновении
обрести самого себя.*

Гегель

Общение между людьми – это не всегда общение между «Я». Соприкосновение душ – наивысшая форма общения. Обычно люди вступают в контакт с помощью речи, но она адекватна лишь явному сознанию и недостаточна для передачи бессознательного и полного самовыражения. Иначе говоря, человек не сможет донести до другого те оттенки духовно-эмоционального состояния, которые он сам себе не может объяснить словами.

Видимо, лишь из-за этой необходимости человек вынужден выражать своё эмоциональное состояние, чувства и переживания нелогическим путем, т.е. с помощью поэзии, музыки, танца и др. Попытки адекватного выражения состояния души являются как бы художественным творчеством, а результат этого процесса – произведением искусства. Каждое произведение искусства, хотя и индивидуально, выражает душевные переживания не только автора, но и других людей в аналогичных ситуациях и тем самым становится родным для многих. Иными словами, человек находит отражение своих чувств в произведениях, созданных другими людьми, и, найдя его, ощущает некое родство с ними. Именно поэтому художественное произведение помогает человеку понять свой духовно-эмоциональный мир, являясь путеводителем в царстве души.

Взаимная любовь – то состояние, когда души открыты друг для друга, и для этого не требуется ни речи, ни посредничества какого-либо поэта. Не возникает необходимости «перевода» одной души на язык другой, потому что они генетически

говорят на одном языке. Здесь вспоминаются известные строки Байрона: «Любовь – это гармония голосов души, взаимопонимание сердец».

На Востоке, как правило, о любви говорят или с высоким поэтическим пафосом, или на языке печальной лирики. Любовь обычно представляется либо поэзией и музыкой, либо драматической сценой.

Либо чувство безграничной радости, либо тихая грусть, либо горькая трагедия!

Одним словом, воспеваются или ложатся на ноты проявления любви во всех оттенках чувств и эмоций, но никто не прикасается к ее внутренней структуре. Самым же главным является то, что прикосновение к ней считается, чуть ли не грехом. Любовь можно наблюдать лишь со стороны. Заглянуть внутрь её так же предосудительно, как прикоснуться к непорочности этого высокого чувства.

Действительно, согласно традиционному восточному мышлению, любовь – это мир, куда могут войти лишь влюбленные, чьи умы затуманены. Появление трезвого человека в этом мире считается вторжением чужого.

Говорят, что ещё никто не видел любовь, потому что для трезвых, будучи недосыгаемой, она остается мраком, а влюбленных она ослепляет своим сиянием. И люди были вынуждены довериться фантазии поэтов, воспевающих, в основном, не саму любовь, а то, как она сводит с ума, и как влюбленные, не сумев воссоединиться, жертвуют собой во имя любви. Сцены воссоединения воспевались как чувственно достигаемые стороны любви. Внутренние же стороны самой любви оставались неприступной крепостью, не было возможным перейти духовные мосты с ясным рассудком. С этой точки зрения мир любви загадочен, чуть ли не как «потусторонний мир»; живые его не видели, увидевшие же не смогли сказать нам что-либо, хотя бы потому, что нет оттуда возврата.

А всё-таки, есть ли обратный путь из мира любви? Смогут ли подверженные «любовной болезни» рассказать о ней после «выздоровления»? Вообще, возможно ли избавиться от этой «болезни»? Насколько была истинной любовь «излечившегося», избавившегося от неё?

*Уйди в Любовь, как в Океан бездонный,
Покинув берега, сожги мосты.
Но, если вдруг назад захочешь ты,
Не лги себе – ты не влюбленный¹.*

Но есть и избравшие другой путь, стремящиеся остаться, хотя бы частично, трезвым и использовать возможности логического мышления; они подобны идущим либо в мир тьмы с лампой в руках, либо в мир света с темными очками на глазах, дабы не затеряться во мраке или не быть ослепленным ярким светом. Другими словами, они либо являются сторонниками регулируемой умом умеренной любви, либо стараются видеть свою собственную любовь в свете большей любви. «Сильный свет поглощает относительно слабый», и последний уже не ослепляет глаза смотрящего и становится видимым².

Благодаря развитию науки были изучены и с математической точностью вы-

¹ Дж. Нурбахш. Закон любви. Журнал «Суфий», выпуск № 1, лето-осень 2004, стр. 46.

² *Suhrawardi. The Philosophy of Illumination.* Brougham Young University Press. Provo. Utah. 1999, p.74.

ражены закономерности материального мира и природных явлений. Однако, как на Востоке, так и на Западе, мир чувств, духовность на протяжении нескольких веков оставались лишь предметом философии и поэзии, вследствие чего понятия здесь носили слишком абстрактный характер и не конкретизировались. Люди, избравшие путь божественной любви, оставались равнодушными к чувственному опыту и конкретным ощущениям, не заглядывая в свой чувственный мир и даже не пытаясь узнать его.

Как и другие чувства, любовь также рассматривалась как цельный, сплошной феномен; не был дифференциально изучен весь спектр света, озарения, именуемый нами любовью, и не была раскрыта его сложная структура и разновидность. В действительности значительно отличающиеся друг от друга и даже разные по сути чувства в результате были объединены под одним названием. Различные виды любви, этапы и формы их эволюции рассматривались как единое явление, и не удавалось внести ясность в данный вопрос.

Ещё в те времена Гельвеций старался заглянуть в структуру самих чувств: «Подобно лучу света, который состоит из целого пучка лучей, всякое чувство состоит из множества отдельных чувств, которые способствуют сообща созданию определённого желания в нашей душе и определённого действия в нашем теле. Немногие люди обладают призмой, способной разложить этот пучок чувств; поэтому часто человек считает себя одушевлённым или одним исключительным чувством или же не теми чувствами, которые в действительности его одушевляют. Вот причина стольких ошибок чувства и вот почему мы почти никогда не знаем истинных мотивов наших действий»¹.

Физике ещё давно известно, что белый свет является синтезом различных цветов. И художники знают, что существуют простые и сложные цвета, и что они образуются из соединения нескольких цветов. Однако поэзия, воспевая свет или некий цвет, естественно, не думает об

¹ Цит. по: В. Кротов. Государство чувств. М., 1997, стр. 15.

изучении их строения, составных частей и об их различии. Радость, счастье и любовь в поэзии воспеваются как единый, цельный феномен. Поэта не интересует, из комбинации каких простых чувств они созданы, и что существует столько отличных друг от друга форм чувства радости или любви.

Именно итогом такой стихийной цельности, позиции идентичности и наивного мнения, что «любовь – это и есть любовь», явилось то, что на Востоке не отличали индивидуальную любовь от божественной, было создано синкретическое «учение о любви». Поэты, воспевающие мирскую любовь, использовали концепцию суфиев о божественной любви, и наоборот, поэты-суфии использовали образы и подобию, воспевающие индивидуальную мирскую любовь. В результате эти две сферы сплелись, что и привело к некоторой путанице. Материнская любовь, любовь к родине и другие формы любви воспевались поэтами теми же эпитетами, а это, в свою очередь, затрудняло раскрытие их специфики.

На Западе, в отличие от нас, и к любви подходят с позиции рационального анализа. При таком подходе проявляется специфика каждой её формы и её обратная сторона. Неслучайно на Западе оно связывается и с демонизмом. Ещё Платон в своём произведении «Пир» выдвинул мысль об «Эрот-демоне». Впоследствии эта идея была продолжена в западной философской и литературно-художественной мысли.

Какова внутренняя связь между демоническим и любовью? Ролло Мей в своём произведении «Любовь и воля» пишет: «Демоническое – это любая естественная функция, которая обладает способностью целиком подчинять себе личность. Секс и эрос, гнев и ярость, жажда власти – вот примеры демонического»¹.

Однако взгляд с обратной стороны не привел к расчленению этого сложного феномена. Наверное, как и всякое явление, и любовь должна быть рассмотрена, исходя из побуждающих её первооснов, уча-

¹ Р. Мей. Любовь и воля. М., «Рефл-бук»; К.: «Ваклер», 1997, стр. 127.

ствующих в формировании человека ещё до проявления любви.

Всё зависит от того, как формируются мечты и жизненные идеалы человека.

Бывает ли идеал врожденным, или он появляется в зависимости от среды созревания человека и полученного им образования? Здесь было бы неправильным высказаться в пользу какого-нибудь мнения. Как морально-нравственные критерии, так и эстетическое чувство зависят от общего мировоззрения, уровня знаний и образования человека, вместе с тем, оно не может быть лишь продуктом воспитания, ибо зависит от рода человека, его генетического начала.

Если с самого рождения ребёнку внушать, что кривой нос красив, действительно ли люди с прямым носом ему будут казаться уродливыми, а с кривым — красивыми? Ведь, наряду с критериями, формирующимся под внешним влиянием, у человека от природы есть чувство гармонии, скрытый «эталон красоты», и он приходит в волнение от соответствия какого-то внешнего явления этим внутрен-

ним стандартам. Точнее сказать, когда посторонний объект адекватен какому-либо началу, базису, находящемуся в душе человека в скрытом виде, в пассивной, неживой форме, он возбуждает, оживляет это начало, эту внутреннюю черту, форму, идею. Где-то в самой глубине человеческой души происходит внутреннее оживление, пробуждение, и именно оно окрыляет и волнует человека.

Вместе с тем, было бы неправильно объяснять всё это такой простой моделью. Здесь речь идёт не только о *согласованности* чего-то, имеющегося в человеке с рождения, с его реальным аналогом вне человека. В простом виде, конечно, это так. Но, по мере того, как человек находится в общении с миром, читает и усваивает, живет и учится, и его «Я», и его первичная индивидуально-духовная сущность, скрытая в глубине души, и генетически закодированная система подвергаются определённой эволюции. Конечно, в недрах души есть ещё совершенно нетронутые струны, девственные уголки. Как и каждая первая встреча, знакомство человека с неизведанным уголком своей души является

таинственным событием, пробуждением, рождением.

Да, человек каждый раз, будто заново рождается, и всегда с каким-нибудь новым признаком, новым качеством. Речь идет не просто о взрослении однажды рожденного младенца, а о процессе неоднократного перерождения, оживления.

Конечно, вышесказанное относится вовсе не ко всем. Кто-то рождается лишь биологическим существом и затем существует, в основном, как исполнитель внешних влияний, посторонних идей. Это один полюс. А кто-то живёт по велению своего сердца и в этом мире видит лишь то, что есть в его сердце; внешний мир в его глазах – это лишь пространство для воплощения его духовности. Это иной полюс. Все реально существующие люди находятся между этими двумя полюсами. Просто у кого-то больше признаков первой судьбы, а у кого-то – второй.

В любом случае, истинная великая радость является проявлением биения сердца, пробуждения, оживления, рождения имманентного. Если мир настроен на другую ноту и никогда не вступает в резонанс,

нанс с сердцем, то это не истинная человеческая жизнь, а просто биологическое и социальное существование. Жизнь — именно чувственные переживания, освещение этого или другого уголка души — её оживление.

Великий французский мыслитель Б. Паскаль, анализируя представления влюбленного о своём любимом человеке, пришел к выводу, что определение причин любви — задача непростая; если кого-то любишь, невозможно выяснить, за какие именно черты. Например, ты любил одну красавицу с прекрасным обликом, но если из-за несчастья, пожара или по какой-либо другой причине лицо меняется, разве ты не будешь продолжать любить её? Если она меняет даже свой характер, приобретает ранее не свойственные ей новые манеры и привычки, ты перестанешь любить её? «Если кого-то любят за красоту, можно ли сказать, что любят именно его? А если любят моё разумение или память, можно ли в этом случае сказать, что любят меня? Нет, потому что я могу потерять эти свойства, не теряя в то же время себя. Где же находится это «я», если оно не в теле и

не в душе?»¹. Б. Паскаль в своих рассуждениях приходит к выводу, что на самом деле мы любим не человека, а его свойства².

Однако на Востоке настоящей любовью считается неделимое на части общее переживание, захватывающее всю душу. Бытует твёрдое мнение, что настоящая любовь вечна, и никакое препятствие, никакое изменение не сможет её поколебать. И это потому, что любовь направлена к целостному «Я», а не отдельным его проявлениям, признакам. А «Я» же остаётся... Остается ли?! Для восточного человека, для суфия дилемма Паскаля не проблематична, потому что человек влюбляется не в лицо, а в душу любимого. Душа же целостна и не разделяется на более простые элементы. Как сказал Абу Турхан, «любовь – это мост между душами». Если предположить, что любовь рождается благодаря не отдельным физическим или духовно-нравственным признакам, а

¹ Б. Паскаль. Мысли. – Мир и Эрос. М., Политиздат, 1991, стр. 80.

² Там же.

их целостной системе, суммарному впечатлению, то выделение влюбленным только какого-нибудь одного признака из этого разнообразия рождает сомнения в истинности его любви.

Целостность чувства и попытка его структурализации...

Любовь наряду с другими чувствами, как независимо существующее простое, неделимое чувство. Шестое чувство! У кого-то есть, у кого-то нет!

Любовь – чувство, порожденное неполнотой души, – потребность в дополнении...

Любовь – стремление половинчатости к целому.

Любовь – движение части к целому, неполного к полному!

Любовь – восхищение величиим единого, красотой целого, гармонией полноты!

Любовь – как потенциальное чувство, как способность любить!... И любовь, как уже адресованный, конкретизированный духовно-эстетический процесс, как отношение между двумя сторонами...

Войдя в целое, стать целым; затерявшись в едином, стать единым! Вписаться в гармонию целого, стать обитателем гармоничного мира!

Существует вера в миф, что на самом деле половинки когда-то были двумя частями целого (версия Платона)¹.

Лишь отделившиеся от одного целого, вновь объединившись, могут превосходным образом дополнить друг друга! Это – экстраполяция в прошлое. Изначально, с рождения, они созданы, чтобы быть частью одного целого. Как указано в суре «Румы» Корана, пары были созданы из нас самих. Сотворённая из ребра Адама, Ева заранее уже генетически и физиологически была совместима с ним (соответствие одного тела другому дополняется соответствием одной души другой).

Как люди узнают о чувствах друг друга?

Каждый человек ведаёт лишь о своих чувствах. Если же кто-то стал причиной пробуждения в тебе глубоких, ис-

¹Платон. Пир // Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М., Мысль, 1993.

кренних чувств, то это ещё ничего не говорит о его чувствах к тебе.

Есть такое наивное мнение, что в силу взаимности дополнения, и у любви есть две стороны, и, безусловно, должна быть обратная связь. Как говорят англичане, «любовь – это ответ на любовь». Другими словами, невзаимную любовь англичане не считают настоящей любовью.

Однако в реальности чаще всего бывает не так. Кто-то не только адекватно не реагирует на твое чувство, но и остается к нему полностью равнодушным. Мало того, что не любит, вдобавок отвечает на твою любовь не благодарностью, а недовольством, иногда даже презрением.

На самом же деле, кто кому должен быть благодарен: любимый человек любящему, или любящий любимому? Согласно первому мнению, конечно, любящий – за оживление его души, за зарождение в нём любовного чувства. Пусть эта любовь останется безответной, но лучше безответная любовь, чем её отсутствие. Согласно второму мнению, на первый план выступает подозрение, что «если бы я не полюбил её, то, возможно, у меня была бы дру-

гая, более счастливая любовь», и у человека появляется недовольство к тому, кто отвёрг его. Кто же виновник? Обязана ли противоположная сторона тебя полюбить?

Здесь необходимо различить два момента. Противоположная сторона знает о твоей любви, но проявляет к ней пренебрежительность. Во втором случае они выглядят как прозаические, иногда даже банальные, поскольку ты не смог передать всю гамму и энергетику своих чувств.

На самом деле, если у тебя настоящая большая любовь, и ты смог передать, трансформировать её противоположной стороне, то последняя не сможет остаться к ней равнодушной. Есть один «секрет», или формула любви. Главное – найти путь к сердцу, «соорудить мост между сердцами». Ибо почувствовать твою любовь – значит ответить тебе любовью, если даже ранее она (противоположная сторона) по каким-то причинам этого не хотела. Ибо любовь можно почувствовать только любовью, так как ощущение любви – тоже любовь. Во всех остальных случаях противная сторона не ведает о твоей настоящей большой любви, о глубине твоих

чувств. Она воспринимает твоё отношение только как внешнее явление, но не чувствует, ибо нет пути от души к душе, а наличие такого пути есть взаимная любовь.

Пленённая однажды душа не может больше полюбить другого человека. В этом контексте и появляется чувство ревности. Интересно то, что в восточной поэзии при выражении своей любви к женщине мужчины абсолютизируют фактор преданности, а в реальной жизни, в большей мере, они ждут это от женщины. Именно её душа должна растворяться в душе мужа. Проявление Второго Эго, воли не вмещается в эталон восточной любви. Действительно, в любви ограничение воли и подчинение одной воли другой должны быть основаны на взаимности. Иными словами, сердца двух должны быть пленены друг другом.

Легко удержаться от физической измены; ревнивцы далеки от подобного подозрения. Дело в том, что в восточном понимании нарушение целомудренности предполагает не только физическую близость. Настоящий влюбленный замечает

даже «следы чужих взглядов на лице своей возлюбленной»*, и обыкновенное чувство симпатии, нежное отношение к другому человеку иной раз воспринимаются как измена абсолютизированной любви.

Исходя из сравнительного анализа причастности души и тела к любви, Э.Сведенборг отдаёт предпочтение духовному целомудрию: «Многие полагают, что обычное телесное воздержание от блуда можно считать целомудрием, в то время как в действительности это является целомудрием лишь в том случае, если содержится в то же самое время в духе человека»¹.

Всё зависит от соотношения между степенью любви и степенью веры и доверия. Кроме того, следует учесть также соотношение между степенью искренности, наивности человека и степенью двуличности окружающей общественной среды. Как это часто бывает, чистые намерения человека воспринимаются неадекватно и

* Из азербайджанского фольклора.

¹ Э. Сведенборг. Супружеская любовь, стр. 179.

неверно толкуются противоположной стороной или окружающими.

В искренности чистой любви Наташи Ростовой не сомневается никто. Но её чувство не достигает уровня божественной любви и не выдерживает ударов среды, с одной стороны, с другой – страстей молодости. Ещё не успевшая созреть и подняться до степени совершенства любовь оказывается беспомощной перед такими опытными «охотниками за душами», как Курагин.

И сомнения Отелло в верности Дездемоны не рождаются из-за недостаточности его любви. Если бы порочная среда и коварные люди не заставили его засомневаться, то естественное чувство ревности не переросло бы в подозрение в измене Дездемоны. Но Отелло, испытывая недоверие к своей возлюбленной, вместе с тем наивно верил порочной среде и своим друзьям.

Порочная общественная среда старается сломать крылья любви, приземлить её и замарать своей грязью. Но если абсолютное соединение двух любящих сердец невозможно на реальной общественной

почве, то вполне реально ее частичное осуществление. Союз сердец еще не означает полное отрицание индивидуальностей; просто, с этого момента влюбленные противопоставляют себя миру не врознь, а вместе, и стремятся совместно объять и усвоить мир. Весь смысл жизни, её благодати обнаруживаются именно в новом осмыслении мира. В глазах любящего человека мир выглядит прекраснее и светлее; кажется, весь мир разделяет с ним радость. Меняется и отношение к другим; место ненависти и гнева занимает теперь милосердие и доброта.

Отношение противоположной стороны зависит не от глубины твоих чувств или от их чистоты и непорочности, а от того, как ты эти чувства преподнесёшь. Дело в том, что внешнее проявление, видимая сторона любви не всегда адекватна самим чувствам.

Заимствованные у героев любовных произведений высокопарные слова и манеры могут быть представлены как личное чувство. Из уст бесчувственного человека красивые слова могут сыпаться, как драгоценные камни. Горящий же пламенем

любви не думает о том, как лучше преподнести свои чувства. Поскольку он не использует шаблонов, каких-то комплиментов или красивых слов, сформулированных в течение тысячелетий, его любовь не может полностью раскрыться и выглядит тускло.

Бледно выраженное настоящее чувство и блестяще преподнесенное мнимое чувство! Представленное во втором случае, на самом деле, является переживаниями другой души, ещё точнее, их присвоением, выдачей за собственные. Трансформация душ! Псевдолюбовь, похищение души, или попытка захвата чьей-то души!

О формах любви: любовь как тождество и любовь как дополнение

*Нужно иметь что-то общее,
чтобы понимать друг друга,
и чем-то отличаться,
чтобы любить друг друга.*

Поль Жеральди

Несмотря на то, что любовь, в основном, воспринимается как целостное чувство, любовь любви рознь. Так, Бертран Рассел выделяет два вида любви: «Любовь бывает двух родов: избирательная, земная любовь к тому, что приносит радость, что прекрасно или хорошо; и беспристрастная небесная любовь, изливающаяся на всё без различия»¹.

¹ Б. Рассел. Почему я не христианин. М., Политиздат, 1987, стр. 32.

Любовь как процесс проходит через три стадии: романтическая, стадия приземления и семейная любовь. Романтическая стадия (это и есть первая любовь) – это первое впечатление, очарование, влюблённость. Если любовь не завершится воссоединением, тогда она не переходит на новую стадию, и период романтики длится до конца. Однако, во многих случаях после женитьбы, при совместной жизни романтика в значительной степени сменяется реальностью. На этом этапе дружественные отношения превращаются в необходимое условие, как новая форма любви или как дополнительное чувство, довершающее первое романтическое чувство. Подлинные семейные отношения не установятся на одном лишь романтическом чувстве, без дружбы. Каким бы пылким ни был романтический этап любви, этого нежного чувства не достаточно, чтобы нести весь тяжелый груз совместного проживания. Наоборот, каждая конкретная проблема жизненной реальности сокрушает это чувство, «отрезвляет» и приземляет любящих. Дружба же, в первую очередь, питается общими интересами,

единством целей. Конечно, различие характеров замедляет процесс становления дружбы и мешает ему. Именно в этот момент мы начинаем отличать любовь от дружбы. Видимо, когда Ж. Лабрюйер сказал, что «любовь и дружба исключают друг друга»¹, он имел в виду именно это. Но, по нашему мнению, нет необходимости придавать такое большое значение этому отличию. После создания семьи дружба становится неизбежной. Приземление есть не только единичный факт соединения тел, оно также предусматривает социальные и материальные условия, способствующие укреплению этого соединения и придающие ему устойчивый характер. Точнее, в период супружества появляется необходимость в некоем новом чувстве, построенном на общих признаках, — любви как тождестве, отличающейся от любви как дополнения, построенной на различии, потребности в дополнении.

В дальнейшем, из слияния этих двух видов любви формируется семейная лю-

¹ Ж. Лабрюйер. Характеры или Нравы нынешнего века. — Мир и эрос. М., 1991, стр. 92.

бовь, а совместная любовь к детям ещё больше её укрепляет. Мысль о том, что «время укрепляет дружбу, но ослабляет любовь»¹, видимо, была высказана на основе наблюдений. Однако Ж. Лабрюйер не принимает во внимание то, что семейная дружба, по сути, является следующим этапом любви. Отсюда и исходят попытки противопоставить любовь дружбе.

В формировании *любви как тождества* важная роль принадлежит процессу *привыкания*, который превращает участие противоположной стороны в семейной жизни в неотъемлемую составную часть духовно-эстетической ауры. «Я» каждой из сторон формируется заново, словно начинается духовная трансформация в направлении соответствия мечтам и желаниям противоположной стороны. Именно на этом этапе можно завести речь о настоящей зрелой любви. Романтическая же любовь на первом этапе в действительности является поиском любви.

¹ Ж. Лабрюйер. Характеры или Нравы нынешнего века, стр. 92.

В последующей фазе семейной жизни, после появления детей, *любовь как тождество* начинает играть решающую роль: с одной стороны, в индивидуальной любви чувство ответственности за дальнейшую судьбу детей превосходит половое влечение, имеющее характер дополнения. С другой стороны, складываются отношения другого типа, обращенные на детей. Родители неосознанно видят в своем ребенке свое вторичное «Я», продолжение своей жизни вне собственного тела. Независимо от познаний в области генетики им это так кажется. Родительская любовь рождается не только из чувства генетической идентичности, она является также проявлением нарциссизма. Речь идёт о продолжении «Я», индивидуальной духовной жизни в другом человеке. Такая стихийная уверенность продолжается до тех пор, пока ребенок, повзрослев, не станет другим и не проявит совершенно новый характер и собственное «Я». Когда обнаруживается это различие, «чуждость», любовь как бы разбивается. Поэтому родители, не желая потерять взлелеянную в душе годами надежду на тож-

дественность, вынуждены закрывать глаза на реальный ход событий. В случае, если своеобразие незначительно, всё обходится без осложнений. Когда же различие настойчиво проявляет себя и переходит в противостояние, любовь переносит внутреннее потрясение. Это трагический момент в жизни родителей. Здесь «любовь вслепую» (как первая любовь) сталкивается с осознанным отношением; интеллект проникает в зону «слепой любви» и рассеивает туман.

Есть и такие формы любви, которые проявляются в отношении не к противоположному полу, а к продолжению своего существа. Это чувство напоминает *открытие* в науке, *изобретение* в технических поисках, *восторг* в художественном творчестве, наконец, *откровение* в божественном общении. Подобные чувства и переживания характерны для *творческой любви*.

Отношение мастера к своему произведению и отношение родителей к своим детям! Единство сути внешне столь далёких явлений!

Да, родительская любовь имеет некое сходство с *творческой любовью*, т.е. напоминает отношение творца к своему творению. Отношение художника к своему полотну, композитора к музыке, писателя к своему роману, - всё это примеры такой любви, ибо любовь к творчеству – одна из форм любви-тождества. Художник сначала создает в душе образ и его, как часть своей души, переносит в реальную действительность и в лице созданного произведения проживает свою вторую (а, может, и настоящую) жизнь.

Любовь детей к родителям имеет ряд отличительных особенностей, хотя она и является одной из форм любви тождественной. Родительские чувства на инстинктивном уровне присущи и животным и сопровождаются целенаправленной заботой о детенышах и их опекой. Однако они лишаются этой любви и заботы после того, как подрастают. Как отмечает Платон, исключение составляет только аист. В этом контексте на примере легкокрылого эроса

и аиста Платон дает сравнение любви и заботы¹.

Чувство ребенка выражает отношение части к целому, творения к творцу. В этом смысле оно похоже на *божественную любовь*. Отношение ученика к учителю, каждого человека к своей цели и жизненной идее относится к этому ряду чувств. Национальный дух, любовь к отечеству также являются аспектами тождественной любви. То есть, если человеку дано ощущать себя частью своей нации, или родины, значит, он не лишен этого возвышенного чувства.

Как видно, любовь обладает различными формами.

* * *

Говорят, любовь облагораживает любящих. Почему?

Духовную любовь питают высокие, нежные чувства, и потому влюбленные внутренне очищаются, кристаллизуются.

¹ Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 1. М., 1990, стр. 267.

Духовное слияние приводит к нравственному совершенству. Но не каждому влюбленному суждено достичь этой высшей точки, этой духовной встречи.

У Асиф Ата есть такое четверостишие:

*Найдется ль вкусивший плод
совершенства
И тот, кто жизнь отдаст за
любовь,
В страсти с телом моим
сплелись бы многие,
А кто же с душой моей
слиться готов?*

Да, надеяться на встречу родственных душ в наше время – дело трудное. Однако в процессе семейной жизни происходит слияние «Я», характеров, мировоззрений, вкусов, привычек, внутренних критериев. Здесь возникает вопрос: в каком случае можно говорить о цельной системе?

На какой основе строится любовь: на тождестве или различии, то есть чей союз

оптимален: похожих друг на друга, с идентичными мыслями и образом жизни, или тех, кто идет по разным жизненным дорогам, мыслит и действует по-разному? Разве в семье все не должно объединиться вокруг одной цели? Разве смогут разные люди доверять друг другу и нести тяжелое бремя жизни вместе?

Таким образом, при первом подходе ответ складывается в пользу тождественности характеров.

Однако при тщательном анализе всплывают и другие вопросы. «Две бараньи головы в один котел не влезут», «Ты сударь, и я сударь, а кто же служить будет?», «Муж – с огнем, жена – с водой» – так гласит народная мудрость.

Тождество не может породить нечто новое. Новое появляется как единство противоположностей. В основе прогресса и продолжении рода основным условием является объединение разных сторон. То, что характерно для мужчины, нежелательно для женщины, а что украшает женщину, то непригодно для мужчины. Неслучайно говорят, держись подальше от

мужчины, похожего на женщину, и женщины, напоминающей мужчину.

Речь идёт не только о совпадении внешности и характеров, но и способностей, профессий, практических навыков. Конечно, было бы ошибочно представить разницу между мужчиной и женщиной как противостояние между разными полюсами, т. е. здесь точек совпадения больше, нежели отличительных признаков. Однако в контексте рассматриваемой проблемы главная цель заключается в том, чтобы показать именно различие и выявить возможности любви как дополнения.

Некоторые различия в выборе профессии и специальности мужчинами и женщинами обуславливаются физическими данными. Например, псевдоравенство в советское время допускало равный физический труд мужчин и женщин, утверждая, что они одинаково могут стать, например, трактористами. Банальность этого ни у кого не вызывает сомнения. Перенос правового равенства в плоскость тяжелого физического труда, конечно, был проявлением политики тотального приравнивания. А чему служит продолжаю-

щаяся и по сей день на Западе борьба за «гендерное равенство»?

Устойчивость семьи обеспечивается не столько тождественностью мужчины и женщины, сколько различием между ними. Сама любовь становится возможной благодаря этой разнице. Неслучайно Жан Поль Сартр рассматривает любовь как одну из форм конфликта¹.

В одном чешском фильме рассказывается о том, как молодые при создании семьи решили прибегнуть к услугам компьютера. Желаящие жениться включили в базу информации сведения о сильных и слабых сторонах своего характера, внешние данные и свои желания. Компьютер, отобрав жениха и невесту по принципу соответствия их данных, выдал богатую за богатого, лентяйку за лентяя, высокую ростом за высокорослого и т. д. Всё шло как по маслу, царило полное взаимопонимание. Каждый умел делать то, что мог другой. И ни один из них не смог выполнить нужную работу. Нет раздоров, но нет

¹ Проблема человека в западной философии. М., «Прогресс», 1998, стр. 210.

и взаиморазвития; дела не двигаются с мертвой точки. Вскоре обнаружилось однообразие и утомительность подобной семейной жизни. Через год было решено проверить результаты компьютерного бракосочетания. Выяснилось, что большинство молодоженов уже успели развестись.

Устойчива та система, элементы которой не повторяют, а дополняют друг друга. А ведь каждое существо для достижения цельности и совершенства стремится занять более прочную позицию. Мы условно называем это универсальное стремление друг к другу любовью как дополнение.

Интересен тот факт, что Ли и Янь, считающиеся в древнекитайской философии даосизма двумя различными мировыми началами, представляются носителями мужского и женского начал. Все остальное в мире – результат их союза. В одном из древнекитайских источников под названием «И цзин» говорится: «Мир возник в результате самопроизвольного деления первичной целостности, которая называлась Хаосом. Сначала Хаос, или Единое дыхание, разделилось на два поляр-

ных начала: мужское, светлое, активное начало Ян и женское, темное, пассивное начало Инь; из этих «двух начал» выделились «четыре образа», соответствующие четырем сторонам света¹.

По учению Заратустры, мир зиждется на противоположностях. С тех пор много поколений философов ищут основу развития в единстве противоположностей. В основе семейной любви и чувства страсти тоже лежит данный вид любви.

Тождественные стороны не могут породить что-либо новое. Чтобы зародилось нечто новое, требуется единение противоположностей.

¹ Антология даосской философии М., 1994, стр. 6.

Любовь и разум

*Отношение понимания – частичное,
тогда как отношение любви целостное.*

Р. Тагор

При рассмотрении любви в гносеологическом, аксиологическом и практическом аспектах проявляются её различные стороны.

Сначала рассмотрим её связь с познанием. Может быть, любовь вытекает из стремления человека познать что-то в этом мире? Может быть, человек больше любит то, что доступно его разуму?

Многовековой человеческий опыт показывает, что такой прямой зависимости любви от познания не существует. Любовь не может быть результатом логического мышления; в крайнем случае, можно говорить лишь об осмыслении любви как

уже свершившегося явления, чувственного факта.

С другой стороны, если взять познание в широком смысле, т.е. включить в это понятие помимо логического мышления еще и мироощущение, мирозерцание и чувственную интуицию, то налицо сложное взаимоотношение разума и любви. Неслучайно некоторые поэты и философы считали, что настоящая большая любовь непосредственно связана именно с разумом. Например, Платон пишет: «Правильной любви свойственно любить скромное и прекрасное, притом *рассудительно* (курсив мой – С.Х.) и гармонично»¹. Аль-Газали пишет: «Любовь может быть разумной, ибо человек любит только то, что знает. Поэтому, например, камень не может любить. Любовь - свойство, присущее только сознательному существу»². Конечно, можно спорить и доказывать, что человека делает человеком

¹ Платон. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 3. М., 1994, с. 169.

² Анатомия мудрости. 106 философов. Жизнь, судьба, учение. Т.2., с. 51.

не только познавательная способность, в разной степени присущая каждому человеку. Страсть и инстинктивная любовь присущи не только человеку, но и животному. Любовь же, как высшее чувство, присуща только человеку. Однако влюблённость не только не прибавляет ума, а, скорее, сводит с ума (в хорошем смысле).

Вместе с тем, объединившись с любовью, разум возвышается над чувственным и логическим познанием и достигает высшей инстанции. Эта ступень в большей мере соответствует вдохновению и откровению. А что касается мысли о том, что «человек любит только то, что знает», то здесь можно согласиться только с тем, что человек действительно не может любить то, о чем он совершенно ничего не знает. Однако он не может любить и то, что ему полностью известно. Так что любовь, скорее всего, связана с неопределённостью, таинственностью и, на самом деле, есть ни что иное, как ожидание чуда. Неслучайно человек любит не умом, а сердцем. Все зависит от того, как понять душу, сердце.

Быть влюбленным совсем не означает быть благоразумным. Наоборот, любовь лишает человека рассудка. Здесь уместно вспомнить слова великого суфия Ибн Араби: «Не ждите ничего хорошего от любви, управляемой умом». Низами в своём произведении «Хосров и Ширин» говорит:

*Вселенную, землю я туманом покрыв,
Разум любовью унял, усыпил¹.*

Любовь способна затуманить разум, но той же способностью владеют и музыка, и красота, и вино, и др. Платон в своём произведении «Закон» говорит устами афинянина: «Вот всё, что делает нас такими: гнев, страсть, наглость, невежество, корыстолюбие, трусость. Кроме того, ещё: богатство, красота, сила и пьянящее наслаждение делают нас безрассудными»².

¹ Н. Гянджеви. Хосров и Ширин // Собрание сочинений в пяти томах. Том второй. Москва, 1985, стр. 38.

² Платон. Аристотель. Пайдейя: Восхождение к доблести. М., 2003, стр. 238.

Затуманивание рассудка любовью напоминает состояние опьянения, поэтому в восточной поэзии в контексте любви широко используются такие эпитеты, как «вино», «опьянение» и др.:

*Свои зарюки кто не забывал из нас,
Кто славу добрую не убивал из нас?
И мой запойный бред, прошу,
не осуждайте:
Пьян от вина любви кто
не бывал из нас?*¹

У Насими это сравнение звучит так:

*Я испытал к вину пристрастие давно.
Я раньше пил, теперь я пью любви вино.
И вновь пьянит меня, пьянит
своим лукавством
Та, от которой мне быть
пьяным суждено*².

Мысль об опьяняющем действии любви в дальнейшем утвердилась также в

¹ О. Хайям. Четверостишия. – Смоленск: Русич, 2003, стр. 307.

² И. Насими. Рубаи. Баку, 1973, стр. 62.

западной философии. Например, В. Виндельбанд утверждал, что «о страстной чувственной любви говорят, что она подобна похмелью...»¹.

А современник Омара Хайяма Абу Али (Ибн Сина) приравнивает воздействие музыки саз^{*} к действию вина:

*Вино пьянит, словно саз
шелкострунный,
Разрушает печаль, разгоняет тоску,
Его аромат и с цветком не сравнить,
В бокал окунуться, опьянетъ я хочу².*

В понимании Физули любовь (в переносном смысле этого слова) сводит человека с ума, превращая его в «сумасшедшего», отшельника, а на самом деле она помогает ему достичь совершенства (мудрости).

¹ В. Виндельбанд. О свободе воли. Минск; Москва. 2000, стр. 88.

^{*} Саз - струнный щипковый музыкальный инструмент, используемый ашугами.

² Ш.Султанов, К.Султанов. Омар Хайям. М., «Молодая Гвардия», 2007, стр. 94.

*Эй, Физули, вовек я не сверну
с любовного пути,
Иначе от блага этого мне
совершенства не найти¹.*

Точкам соприкосновения любви с разумом и умом в философии Асифа Эфендиева (Асиф Ата) отводится особое место. Асиф Ата не только и не столько анализирует чувственную, страстную любовь, но и поясняет момент «мудрой любви», включая высшую любовь в структуру мудрости: «Мудрость – это умение поднять любовь, красоту, благородство до уровня святости»². Или: «Любовь – признак мудрости. Быть влюбленным – значит быть совершенным»³.

На Западе тоже делались попытки объяснения любви как безумства, но в большинстве случаев любовь и разум рассматривались в едином контексте. Э.Сведенборг пытается разграничить любовь и

¹ *Füzuli. Əsərləri. İki cilddə. I cild.* Б., 1995, с. 215.

² *A. Əfəndiyev. İnam və şübhə.* В. Yazıcı, 1988, s. 115.

³ Там же, стр. 112.

разум, исходя из половых признаков. По его мнению, мужчина познаёт от разума, а женщина от любви¹, при этом любовь не может простираться далее чувственного мира². Соединение мужа и жены крепкими узами обеспечивается благодаря этому различию между полами. «Жена возбуждает в мужчине стремление к соединению в соответствии со своей любовью, а мужчина принимает её любовь в соответствии со своей мудростью»³.

Ш.Й. Сухраверди (1154-1189) также связывает духовное совершенство с любовью и вдохновением. По его словам, чувство удовлетворения, которое получает невежда, нельзя сравнивать с тем, что испытывает человек с развитым умом: «Человек, не обладающий умом, не может испытывать подлинное наслаждение. Сте-

¹ Э. Сведенборг. Супружеская любовь, стр. 200.

² Там же.

³ Там же, стр. 192.

пень духовного наслаждения обусловлена уровнем совершенства человека»¹.

Противопоставление любви уму не должно расцениваться как её противопоставление таланту, проницательности, мудрости. Ибо, согласно восточной философии, чувственное познание и логическое мышление не могут привести человека к истине и совершенству. Наоборот, чувственный опыт сбивает человека с верного пути, мешая увидеть истину. Путь к нахождению истины, к достижению правды проходит через влюблённость в неё. В азербайджанских эпосах о любви влюблённые, увидевшие во сне своих возлюбленных, вместе с любовью приобретают врожденный талант и превращаются в ашугов – прирожденных поэтов. Будучи ранее неграмотными, они теперь ведают обо всех истинах. Здесь мы видим тесную связь и сходство народных эпосов и позиций классических восточных философов, как перипатетиков, так и суфиев. Как Ибн Сина и Аль-Газали, так и Мансур Халладж

¹ *Suhrawardi. The Philosophy of Illumination.* p. 98.

и Ш. Сухраверди соглашались с тем, что путь к истине, совершенству пролегает не через чувственное познание и логическое мышление, а через божественную любовь.

А теперь попробуем рассмотреть аксиологический аспект любви. Оказывается, что основной принцип синергетики, согласно которому порядок может возникать спонтанно из хаоса, можно распространить и на сферу любви. Интересно, что здесь можно провести ещё одну аналогию: осознание чего-то на базе бессознательного.

У человека есть представление о хорошем и плохом, о красивом и безобразном. Что-то ему нравится, а что-то нет. Временами ему становится тоскливо, и он чувствует беспокойство, ему хочется менять обстановку, порвать отношения со всеми и уединиться. Временами человек испытывает подъем чувств, приобщается к красоте, переживает блаженные мгновения, которые хотел бы продлить до вечности. Но почему это происходит, он сам не знает. Это веление души; оно идет из глубины сердца, и это – неосознанное чувство.

Конечно, оценку можно дать вполне сознательно, с помощью здравого ума. Этого можно добиться путем сравнения с определенными критериями, установления соотношения с существующим стандартом, эталоном. Например, на конкурсах красоты члены жюри исходят не только из личного впечатления, но и учитывают уровень соответствия конкурсанток определенным эталонам, конкретным критериям, выраженным в точных цифрах. В остальных случаях оценка осуществляется бессознательно, и человек проявляет интерес именно к тому, чего он не знает; появляется желание изучить, вникнуть. Однако общение с неявным для человека, полутемным миром сопровождается также чувством страха, сомнения и подозрения.

Как было отмечено выше, человек не может увлечься непонятным для него миром, полным тьмы. В этом случае берет верх чувство страха; сомнение выступает сильнее веры, а колебание – сильнее решимости. Но если в этой *тьме* есть *проблески*, то они манят человека. Если в душе живет жажда к свету, то эти проблески привлекают её. И чувство любви в душе

где-то окрыляется этим единством интереса и страха, веры и сомнения, колебания и решительности. Иными словами, любовь в действительности есть живой процесс, находящийся в эволюции. Если интерес увеличивается и переходит в очарование, и от чувства страха остается только таинственность, то все дороги к любви уже открыты.

Темная душа боится света. Иными словами, любовь – удел только светлых, или хотя бы частично светлых людей. Полутемная душа притягивается со стороны более яркого света. С этой точки зрения, у человека, стремящегося к завершенности, вероятность любить больше.

Чтобы удивлять и очаровывать людей высоконравственных, с тонкой, яркой душой, нужен духовно более богатый партнёр. Самый яркий влюбленный, без сомнения, может поклоняться только Светлейшему из светлых (говоря словами Ш. Сухреверди, Нур эль-Энверу). Это уже божественная любовь. Отношение Светлейшего ко всему «нижестоящему» не может быть любовью как дополнение,

здесь речь может идти только о поглощении.

Таким образом, мы определили уровни любви и вероятность влюбиться духовно ограниченного человека и человека, обладающего сложным и богатым внутренним миром.

Всё вышесказанное имеет отношение к ценностному аспекту.

Теперь же обратимся к практическому аспекту. В восточном восприятии влюблённость и романтическая любовь не имеют никакой связи с практикой, с делом. Нельзя набраться опыта, стать профессионалом в этой сфере, ибо любовь стоит выше телесного мира и представляет собой явление уникальное.

Находящаяся вне контроля разума, большая, «сумасшедшая» любовь — участь, в основном, несведущих, влюбляющихся в первый раз. В произведениях некоторых западных писателей, сводящих любовь к сладострастию, часто наблюдается подход к этой сфере с позиции навы-

ков общения, профессионализма и мастерства.

На классическом Востоке¹ любовь воспринималась как готовность к самопожертвованию, к лишениям и страданиям ради любимого, а не как умение «завоевать» другого, превращая его в предмет удовлетворения своих сиюминутных чувственных потребностей. Иначе говоря, речь идёт не о достижении чего-либо, а об отказе от этого. Поскольку возможно любить только одного, поскольку объект любви не меняется, то профессионализм в любви недопустим, или понимаем совершенно в другом смысле. То есть, в широком смысле слова, речь идёт о горении в любовном пламени, и влюбленный добивается, чтобы огонь был продолжительным, вечным, ибо любовь – дело не каж-

¹ Акцентируем внимание на слове "классический" потому, что мы ведем речь не о реальной обстановке, сложившейся в странах, традиционно называемых восточными. Изучение этой реальности требует особого исследования. В этой книге под понятием "Восток" мы подразумеваем или древний или средневековый Восток, или восточную поэзию, отражающую его дух.

дого человека, и она требует особых способностей, некоего дара.

*Даром любви Меджнун награждён,
Повсюду, везде знают имя его.*

*Я ещё сильнее способен любить,
Прославилось имя Меджнуна всего¹.*

Философские рассуждения о порождении восторга перед гармонией и красотой мира, поражающие человеческий ум, сокровенные разговоры человека с самим собой и с миром, - всё это этапы вечного пути, ведущего к совершенству. Мгновения единства страдания и радости, любви и печали на пути разума, начинающегося с восхищения! Из этих мгновений складываются мучительные и величественные шаги нравственного восхождения человека-философа, или человека с большой буквы, который умеет возвыситься над материальным миром, осознаёт себя само-

¹ *Физули*. Ясярляри. Ики жилддя, Ы жилд., сящ. 99.

ценным носителем особой сущности и находит в себе нравственную силу, идейный источник, и, систематически питаясь им, постоянно совершенствуется, равняется с миром, вселенной, «не вмещается» в этот мир.

*В меня вместятся оба мира,
Но в этот мир я не вмещусь¹.*

Восторг, возвышенность и чувство святости характерны для восточной философской поэзии. Однако нужно признать, что мы не только не смогли развить наследие прошлого, но и не смогли усвоить это наследие в контексте современной философской мысли. К сожалению, на пути нравственного и умственного развития, начинающегося с очарования, проходящего через любовь и возвышающегося до философского разума и совершенства, мы предали забвению конечную цель и вот уже сколько веков застряли на воспевании лишь красоты возлюбленной, и, ввиду то-

¹ И. Насими. Лирика. М.-СПб., «Диля», 2001, стр. 31.

го, что классические обряды и символы стали понимать в буквальном смысле, искажали великие идеи предков. Идеалом наших поэтов-мыслителей были вовсе не красоты брэнного мира, а божественная любовь и разум.

На Востоке любовь всегда ассоциировалась с совершенством и гармонией, божественным началом, а нередко имела космогонический смысл. Низами считал любовь движущей силой природы, даже силу притяжения между планетами интерпретировал как проявление любви.

*Всё с притяжением в мире связано,
Философами это любовью названо¹.*

Или:

*Обратимся к разуму; нам говорит он:
На любви мир держится, покоится он,
Земля не была бы красивой такой,
Если б небо родилось без страсти
земной².*

¹ Н. Гянджеви. Хосров и Ширин, стр. 37.

² Там же, стр. 38.

ми есть любовь. Ибо без любви ни одна вещь не может существовать и без неё ни одно дело не может совершиться»¹. В действительности же в классической средневековой философии эта сила – свойство души или ума. Например, Фараби рассказывал об интеллекте небесных тел², а Ш. Сухраверди – о душе неба³. Источником движения во вселенной также является мировой разум или воля небесной души⁴.

Поэтическое мышление доверяет подобную высокую миссию исключительно любви. Низами оценивает любовь как движущую силу не только небесных тел, но всех малых и больших природных явлений. В качестве примера можно привести одно из самых образных выражений:

*Без пламени любви, что все
живые чтут,*

¹ А. Бакиханов. Сочинения. Записки. Письма. Баку, 1983, стр. 73.

² Аль-Фараби. Естественнонаучные трактаты. Алма-Ата, 1987, с. 287.

³ Сийрявэрди Ш. Ишыг шейкялляри. Шарг фялсфяси. Баку 1999, с. 224.

⁴ Сийрявэрди Ш. Ишыг шейкялляри, с. 224..

*Не плачут облака, и розы не цветут*¹.

Ибн Сина оценивал любовь как связующее звено в иерархии материальной и духовной сущности. Высшее существо освещает существо на низшей ступени, отчего оно становится более красивым и ярче сияет².

Оказывается, первичная материя, формы и качества также подчинялись законам любви. Согласно Ибн Сине, первичная материя обладает способностью врожденной любви. «Первоматерия подобна уродливой, безобразной женщине, которая боится, как бы её уродство не обнаружилось: каждый раз, когда открывается её покрывало, она прикрывает свои недостатки рукавом»³. Здесь подчеркивается, что первичная материя проявляется всегда «в оболочке», вместе с формой, а в

¹ *Н. Гянджеви. Хосров и Ширин*, стр. 37.

² *С.Б. Серебряков. Трактат Ибн Сины (Авицены) о любви. Тбилиси, 1976*, стр. 32.

³ *Ибн Сина. Трактат о любви // С.Б. Серебряков. Указ. соч.*, с. 51.

чистом виде («вещь в себе») она не проявляется.

Одна из основных идей восточной поэзии заключается в том, что любовь является основой нравственного совершенства. То есть, только любя, можно стать добрее и красивее. Сыновняя, родительская любовь, любовь к родине, природе, вселенной, человечеству, - всё это приверженность гуманности, пути духовного восхождения к постижению себя, мира и бога. Вот она и есть божественная любовь! Человек облагораживается лишь тогда, когда чувствует гармонию мира, огромное богатство человеческой души, врожденность ума, чудотворность божественной силы! Интеллект, знания делают человека утончённым. Чем больше раскрываются перед ним тонкости природы и души, тем он становится многограннее, нежнее, и его любовь становится более возвышенной. Эта духовная нежность проявляется и в облике человека: лицо озаряется, человек становится благороднее и светлее. Человек будто приближается к Богу.

Любовь и религия

Бог есть любовь; это единственная истина, которую я всецело признаю. Любовь равна Богу.
М. Ганди

К сожалению, на Востоке высокое понятие любви со временем было потеряно и осталось в далеком прошлом. Идея божественной любви, служившая интеллектуальному и религиозному воспитанию, со временем меркла, вырождалась и, наконец, ее место заняла приземлённая эротическая любовь. Конечно, чем постояннее, чище и сильнее любовь молодого человека к девушке, тем лучше, ибо именно такая любовь является здоровой основой будущей семьи. Но когда доходят до крайностей, то это всегда приводит к противоположной сущности. Влюблённый

может найти в партнёре самую большую мечту и свой идеал, превратить его в смысл своего существования на земле. Как бы это ни казалось красивым с поэтической точки зрения, с позиции здравого ума и общественной реальности оно представляется абсурдом. Восток же в вопросе любви эту крайность, этот абсурд оценивает как вершину и высшую цель:

*Имама праведного взгляд –
вот что такое лик твой.
Сад на земле и райский сад –
вот что такое лик твой.
Корана праведный айт –
вот что такое лик твой.
Мекканский храм, святой Багдад –
вот что такое лик твой¹.*

Современный представитель восточной философской мысли Асиф Эфендиев пишет: «Для Меджнуна мир и Лейли едины. В любви Меджнуна любовь полностью поглощает человеческую волю, подчиняя ее себе. Перед величием этой

¹ *И. Насими. Рубаи, стр. 6.*

власти влюбленному все видится тусклым... Для него в мире, кроме любви, ничего не существует»¹.

Основная идея поэмы «Лейли и Меджнун» с позиции Физули раскрыта прекрасно. Действительно, «меджнунство» (безумство) является вершиной любви. Но, с другой стороны, разве мало в жизни идеалов, достойных самопожертвования, самоотречения? Сужение всего смысла жизни до узких рамок любви к одному человеку является абсурдным не из-за чрезмерности любви, а из-за ограниченности объекта любви. В представлении верующего обращение вечного и бесконечного чувства на смертное существо есть безумство, в буквальном смысле слова.

Вот почему, согласно суфизму, любовь может быть вечной и бесконечной лишь тогда, когда она адресована великому Творцу. Правда, и Гегель объясняет любовь как самоутверждение одного человека в другом. Однако человек может найти себя в любимом человеке, но не

¹ А. Яфандийев. *Inam və şübhə*. сящ. 16.

раствориться в нем. Забыть себя, подчинить свою волю полностью воле другого, преклоняться перед ним, – всё это признаки божественной любви. Юнус Имре* говорит:

*Любви божественной хочу,
Исчезнуть в ней и раствориться,
Чтоб не найти себя нигде
И к поискам не возвратиться¹.*

И человеческая любовь может выситься до божественной:

*О, поглядите, как она прекрасна,
Как очи голубые смотрят ясно!
Я погружаюсь в эту синеву
И словно приближаюсь к божеству².*

Асиф Ата пишет: «Поклоняться – значит увидеть и познать мир в таин-

* Юнус Имре – турецкий поэт XIV века, суфий.

¹ *Й. Имря*. Эцддястя. Б., «Йазычы», 1992, сящ. 35.

² *Г. Джавид*. Шейх Санан. Язычы, Баку, 1982, стр. 86.

ственном свете, как чудо. Восхищение рождает поклонение. В душе поклоняющегося человека никогда не угаснет огонь, не иссякнет страсть, глаза не перестанут изумляться. Поклоняться – означает сливаться с человечеством в лице одного человека. Поклонение означает очищение, возвышение, становление непорочным и святым»¹. Красиво сказано. Однако невозможно не возразить против одного момента. Ведь человек, в душе у которого чувство святости, стремится к слиянию не с человечеством, а с вечностью, божественностью.

Самым слабым моментом в философии любви Асифа Эфендиева, в его учении о поклонении абсолюту, является разграничение абсолют и Бога и поиск нового адреса святости, нового культа. Такая позиция необходимо привела автора к заключению о том, что именно любимая является «алтарем влюбленного»². Подобная мысль отражает самую распространенную, и вместе с тем самую запутанную ситуа-

¹ А. Яфяндийев. Inam və şübhə, сщц. 7.

² Там же.

цию в представлении о любви на всём средневековом исламском Востоке. Отсутствие разграничений между божественной любовью и чувством любви между представителями разных полов, попытка свести эти разнородные чувства к единой формуле привела к чрезмерной отвлеченности любви. Этому способствовало и то, что восточная поэзия больше всего строится на символах.

Признаки божественной любви частично могут проявляться и в индивидуальной любви, но эта общность не должна быть абсолютизирована.

В этом контексте раскрывается суть также христианского милосердия. Ибо простая проповедь о том, что надо любить ближнего, вернее, и ближнего, и далёкого, друга и врага, одним словом, весь мир, даст плоды. Она возможна лишь после наполнения сердца истинной любовью к Всевышнему. Именно эта любовь впоследствии распространяется на всех остальных. «В религии нетеистической любовь к богу заменяется поклонением идеальному благу. Это поклонение столь же необходимо, как любовь к человеку в хри-

стианстве, поскольку без него любовь лишается ориентира в своём желании делать добро»¹.

В этом плане суть христианской любви становится более понятной и реалистичной при её дополнении концепцией любви суфизма.

Любящие совершают путешествие и в материальный мир, и в мир грёз совместно; и радости, и горести их объединяются. Чувства одного питаются чувствами другого. Для одного всё становится приятным потому, что оно кажется приятным другому. Влюбленные поклоняются одному алтарю, у них общие кумиры и они вместе возносятся, растворяясь в вышине божественного бытия.

Есть мнение, что лица, принадлежащие к разным религиям и поклоняющиеся различным божествам, могут любить друг друга, но эта любовь не сможет возвыситься до уровня божественной. Любовь здесь проявляется, как правило, на основе страсти. Для того, чтобы она возвысилась

¹ Б. Рассел. Почему я не христианин, стр. 33-34.

до уровня божественной любви, необходимо или единение вероисповеданий и божеств, или превалирование любви над религией.

Бог, в сущности, един. От людей требуется просто понять это единство, чему и способствует или великий разум, или большая любовь. Неслучайно и Шейх Санаан*, влюбившись, утверждал: «Если еди-на истина, то и Бог един». Его любовь, прошедшая через единство религий, поднялась до уровня индивидуального проявления божественной любви, до вершины святости индивидуальной любви.

Великий представитель суфизма Ибн Араби (1165-1240) также исходил из идеи единства религий. И объединяющим фактором оказывается ни что иное, как любовь:

Я верю в религию любви,

* Герой одноименной пьесы Гусейна Джавида (1870-1943), который, будучи шейхом (глава мусульман), согласился нести крест ради красавицы-христианки. При этом он не отказался от ислама, но стал проповедовать идею единства религий.

*куда бы ни повернули её караваны.
Любовь – моя религия и моя вера¹.*

Можно было бы обвинять Ибн Араби в ереси, если не учитывать его понимание любви как божественной.

Соединение индивидуальной любви с божественной сравнимо с тем, как две капли воды сливаются, стекая вместе в воды океана. Здесь океан может соотноситься лишь с божественной любовью. А капли?

Ребенок, как результат плотской любви, представляет собой генетическое единство определенных качеств своих родителей (рода). А какое выражает единство воспеваемая восточной поэзией божественная любовь? Что теряется, а что приобретается в момент духовного единения, слияния сердец?

* * *

¹ *Ибн Араби. Мекканские откровения. С.Пб., 1995, стр. 31.*

Стремление человека к красоте природы, восхищение, увлеченность ею тоже являются проявлениями потребности в дополнении, ощущении гармонии.

В христианстве идеология любви не только отрицает связь любви со страстью, но и в целом направлена против страсти, особенно прелюбодеяния. Основным показателем религиозной веры является отказ от страсти. Это является одним из требований, которому должен следовать христианский религиозный деятель, духовное лицо. Священник или монахиня не только не могут отдаться страсти, но даже любить и создать семью. В результате идеи отказа от страсти и служения Иисусу, в качестве выхода из положения, возникли монастыри и монашество. Однако отказ от естественных потребностей не достигается легко и часто является ничем иным, как самообманом человека, его пустым желанием выдать себя за «святошу». В повести Льва Толстого «Отец Сергей» с большим мастерством рассказывается о драме человека, взявшего на себя миссию «стать выше страсти» в качестве социально-религиозной повинности. Однако писатель

предупреждает, к чему такое воздержание может привести. (Кстати, Л. Толстой писал об этом ещё задолго до З. Фрейда).

Нет ничего ненормального в том, что люди, находящиеся на религиозной службе, должны оставаться в стороне от животного соблазна, чувства страсти, особенно, быть равнодушными к женщинам, приходящим в церковь за спасением своих душ, за отпущением грехов. Однако требование не создавать семью лишает этих людей чувства семейной, а впоследствии и родительской, любви. Ведь неслучайно и западных мыслителей постоянно волновал вопрос: разве любовь к Иисусу должна исключать другие формы любви?

В романе Э. Войнич «Овод» показаны, с одной стороны, трагедия священника Монтанелли, раздирающие его душу сомнения и колебания между религиозно-административным долгом и чистой любовью; положение отца, вынужденного скрывать свои родительские чувства, а с другой – бунт Овода против этого вынужденного обмана. Столкновение разных возвышенных чувств, тяжесть выбора, принуждение отдать предпочтение одному

чувству в ущерб другому, конечно, осложняет жизнь. Подобные мысли ложатся тяжёлым бременем на душу человека, мешают ему найти свою вторую половину и приобрести духовную целостность, несмотря на то, что с самого рождения у каждого есть своя пара. В суре «Румы» Корана написано: «Из его знамений – что Он создал для вас из вас самих жен, чтобы вы жили с ними, устроил между вами любовь и милость. Поистине, в этом – знамение для людей, которые размышляют!»¹.

Действительно, любовь между людьми имеет божественное происхождение. Стремление человека к красоте природы или к какой-либо другой форме проявления красоты, восхищение ею и стремление к воссоединению служат обеспечению внутренней гармонии. Вся значимая жизнь человека и его путь к совершенству – это путь к единению и дополнению внутренней незавершённости с помощью гармонии, которую он встречает вне своего существа: в природных явлениях, во внешнем и внутреннем мире других людей, в

¹ *Коран*. Сура «Румы», 21-ый аят.

художественных произведениях. (В китайской философии этот путь называют «дао», и лишь тот, кто достиг дао, считается совершенным). Человек склонен к поиску внешнего аналога находящейся внутри себя в виде зародыша, в виде потенциальной возможности, но пока ещё не раскрытой, не созревшей гармонии, тонкой внутренней структуры.

С рождения человека его индивидуальный духовный мир где-то полон, а где-то ещё нуждается в дополнении, и потому человек всю свою жизнь инстинктивно и интуитивно стремится к дополнению, целостности и единству. И художественная литература, и все виды искусства служат этой миссии, точнее, должны служить, так как человек, хотя бы в искусстве, находит примеры совершенства и гармонии, которых не встречает в жизни. Общаясь с красотой, он становится красивее и совершеннее.

Другая попытка человека избавиться от половинчатости, стать целостным находит своё отражение в божественной любви. Здесь человек выбирает не путь поэтапного совершенствования, дополне-

ния своего половинчатого духовного существа, незавершенной гармонии за счёт чего-то, а путь полного отказа от своего половинчатого «Я», потери себя и нахождения себя в Нём – абсолютном бытии, в самом Творце. Здесь потребность дополнения, в действительности, удовлетворяется в другой форме. Несомненно, Творец совершеннее всех сотворённых, Он – вершина совершенства. Приобщённый к Нему человек также совершенствуется, становится мудрым, святым. Такая максималистская форма божественной любви ведёт к отождествлению себя с Богом. Любовь же нормального человека лишь в идеале является божественной. В таком случае, путь к этому идеалу должен быть пройден поэтапно.

Универсальная христианская любовь на деле оказывается далеко не универсальной. Учение христианства, проповедующее милосердие к другим, призывающее человека стать выше прелюбодеяния, порой оборачивается большой жестокостью по отношению к христианину. Любая крайность имеет обратную сторону. Возможно, с этим и связано то, что в со-

временном христианском мире половая любовь и сексуальная жизнь вне семьи стали как бы в порядке вещей. Моральные запреты, существующие в христианстве, стоят выше реальных жизненных ситуаций, поэтому они сейчас носят символический характер. По крайней мере, наивно ожидать от обычных людей и от людей, просто выбравших по каким-то причинам путь служения религии, такого необыкновенного духовного подъема, как объятие души человека божественной любовью. Такого возвышения могут достичь лишь особые (одарённые) люди, и то благодаря многолетнему воспитанию духа.

Если вместе с воспитанием тела и животной души требуется также и воспитание духа, то это возможно лишь на значительной философской основе. На исламском Востоке в фундаменте возвышения до этого момента (практики суфизма) лежит целое мистическое философское учение «тасаввуф». В Индии для достижения *нирваны* требуется усвоить учение Будды (*буддизм*), в Китае для достижения уровня *дао* требуется усвоить учение Лао Цзы (*даосизм*). В действительности, всё

это – различные проявления одной сущности. Насколько бы различным ни было человечество на нижних ступенях лестницы духовного возвышения, поднимаясь ввысь, оно сближается, объединяется. «Телесная жизнь многообразна, духовная жизнь одна для всех» (*Абу Турхан*).

Каждую нацию представляет не общественный материал, а избранные люди – носители национального духа. Другими словами, объединение обеспечивается идентичностью национальных духов.

На земле все являются носителями отпечатков конкретной среды, различных её особенностей. «При возвышении к небесам различия стираются» (*Абу Турхан*). Насколько бы религиозные обряды, ритуалы и символы ни были различны, религиозное чувство, чувство святости и идея Бога являются идентичными, превращаясь в объединяющий фактор.

В связи с тем, что на Востоке чувство любви неконкретизировано, оно всегда характеризуется одинаковым образом и одинаковыми оттенками независимо от форм и объекта любви. И национальное чувство, и любовь к родине представля-

ются этапами на пути восхождения от индивидуальной любви к божественной.

Правда, философия суфизма, распространенная в период духовного подъема, в золотую эпоху Востока, не останавливаясь на уровне народа или родины, непосредственно воспевала божественную любовь. А любовь, обращенная к Богу, не боится реальности, ибо стоит выше материального мира. Но, к сожалению, в восточной поэзии идея Бога чаще всего служила средством для выражения величия любви, нежели для усиления религиозного чувства. Идея бога применяется как средство для выражения величия любви. Религиозное чувство бедного влюбленного питается из источника жажды соединения, и здесь снова обращается к образу любимой избранницы сердца:

*Очарованный навеки, всюду бродит
разум мой,
И трепещет робко сердце,
преклоняясь пред тобой.
Описать твои красоты мудрецу
не хватит слов,*

*Тайна в том, что, получая, вновь
даруешь ты любовь¹.*

Или:

*Слышу голос, -
Не вижу твой лик.
Готов жизнь отдать,
Чтоб увидеть хоть миг².*

Как видно, и Насими, и Ассар Табризи, и Юнус Имре выражают образ Бога эпитетами, призванными описывать человека, т. е. представляют Бога в облике человека. Это напоминает где-то отношение греков к богине красоты.

Но, в отличие от греческой мифологии и пантеизма, имеются и попытки изображения Бога как высшей и могущественной силы, сотворившей такие возвышенные существа и такую таинственную красоту. Ассар Табризи во вступлении к своей поэме, посвященной Богу, представляет эту любовь в масштабах приро-

¹ Я. Тябризи. Мещр вя Мцштяри. Б., «Йазычы», 1988, сящ. 8-9.

² Й. Имря. Эцддястя. Б., «Йазычы», 1992, сящ. 67.

ды, вселенной через бесконечность и величие, сотворенных Богом:

*В объятиях гор больших
дремлющие скалы
Разноцветными стали
от светлых лучей,
Сильной охраной, дозором могучим,
Пред всевышним они всё ж
песчинки мельчей¹.*

Это эпитеты, использованные для выражения могущества Бога. Любовь к Богу и есть трансформация чувства преклонения перед его величием и могущественностью. Видимо, на Востоке из-за отсутствия четкого оформления научно-философских понятий или в силу живучести аморфной, синкретической формы выражения художественного мышления, нравственно различные проявления, чувственные переживания, отличающиеся друг от друга на уровне конкретного мышления, обобщаются, как и в рассматриваемом случае, в едином образе – в метафоре

¹ Я. Тябризи. Мещр вя Мцштяри, сящ. 8-9.

любви. Да, речь идёт не о любви в буквальном смысле, а в большей степени о любви символической, вобравшей в себя много смыслов и целей. О создании человека из глины и о вдыхании в него божественного духа известно из Корана и из многих других более ранних религиозных книг. Об этом позднее писал Джалаледдин Руми: «В ту глину бог вдохнул дыхание любви»¹. Иными словами, и дух представляется в контексте любви.

Идея единства мира, всеобщей зависимости от Бога приводит к осмыслению любви как универсального явления. Данная идея представлена у Гегеля несколько иначе: «Абсолютное, как бы по своей доброте, отпускает от себя единичности, чтобы они наслаждались своим бытием, и это же наслаждение само затем гонит их обратно в абсолютное единство»². Гегель считает, что объединяющей силой облада-

¹ Цит. по: *Гегель*. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977, стр. 401.

² *Гегель*. Энциклопедия философских наук. Т. 1., Наука логики. М.: Мысль, 1974, стр. 158.

ет не только Абсолютное (Бог), но и «Я». Сначала независимые стороны независимо друг от друга притягиваются духовной энергией «Я» (в восточном понимании «силой любви»). «Я» подобно плавильной печи, огню, который пожирает безразличное друг к другу многообразие и сводит его к единству¹.

Поскольку восточные поэты преклоняются и перед женской красотой, то очень трудно бывает отличить их посвящение красоте от посвящений Богу. Одним из ярких примеров является «Лейли и Меджнун» Физули. Одни считают меджнунство самым высшим поэтическим выражением любви юноши к девушке, другие – художественным воплощением божественной любви. Исследователь наследия Физули академик Фуад Касимзаде пишет: «Физули является влюбленным, готовым на самопожертвование за реальную любовь. Вокруг этого вопроса существует множество различных доводов и мнений. Говорят о том, что Физули якобы проповедует только божественную лю-

¹ Гегель. Наука логики, стр. 158.

бовь, самоотречение на пути достижения любви и единение с Богом. Выше и мы отметили существование подобных образцов и связали это идеалистическими, пантеистическими и суфийскими формами проявления, их элементами и влияниями. Но поэт считает допустимым это и на пути реальной любви и без сожаления и сомнения говорит о самоотречении, о готовности отдать свою жизнь ради любимой»¹. На самом деле, у Физули много стихов, воспевающих общечеловеческую любовь, плотские ощущения. Иногда поэт сам подчеркивает отличие своей позиции от позиции аскетов:

*Не познал любовь невежда-аскет,
Физули, у вкусившего найди ты ответ*².

И в поэзии Мовляне Джалаледдина Руми любовь характеризуется в большей

¹ Ф. Гасымзадя. «Гям карваны», йахуд зцлмятдя нур (Фцзулинин дцнйазюрцщ). Б., «Азярняшр», 1968, сящ. 145.

² М. Физули. Ясярляри. Ы жилд, Б., 1958, сящ. 157.

мере как выражение божественной любви. Профессор Юсиф Рустамов пишет: «Все творчество Джалаледина Руми построено на прославлении божественной любви. Он хотел доказать, что любовь – это крылья, дарующие человеку приятное облегчение, поднимающие его высоко в небеса. А перед любовью отступают горы, горькое становится сладким, исцеляются все недуги, песок превращается в золото, горе – в радость, несчастья заменяются удачами. Мертвые воскресают, рабы становятся господами, железо плавится, камень тает»¹. Действительно, мы видим здесь поэтическую эволюцию концепции любви, выдвинутой ранее Ибн Синой и Низами.

Мовлане раскрывает суть своего учения так: «Бог бескорыстно дал ему (влюбленному) эту жизнь. И этот великодушный муж бескорыстно возвращает божий дар Богу»². Но, спрашивается, действительно ли Бог дал жизнь и чувства, что-

¹ *Й. Рустамов*. Мювлана Жялаляддин Руминин суфилик фялсфяси. Б., «Азәрбајжан Университети» няшрийаты, 2002, сящ. 122.

² Там же.

бы потребовать их обратно? Даже если это так, разве путь любви к Богу не лежит через любовь к людям и природе? Ведь существует точка зрения, что все красоты земли и неба есть проявления Бога. Конечно, мы не толкуем эту позицию в духе пантеизма. Мы не сомневаемся в том, что Бог выше человека и природы. Но мы не можем безразлично относиться к тем, кто утверждает о проявлении этого сверхмощества в человеке и природе.

В свое время великий Ибн Сина старался внести ясность в этот вопрос: «Находятся и такие, кто считает желание Богом, - будь выше слов безбожника, - будто он каким-то образом участвует во всем: в одном случае - природа, в другом - интеллект и в третьем случае - желание. Но он (Бог) стоит выше их всех вместе взятых»¹. Прекрасно сказано. Бог, являясь единственным истинным бытием, стоит выше всех созданий. Однако, как можем познать его иначе, если не через его творения. Как же иначе выразить нашу лю-

¹ *Ибн Сина*. Книга о душе. Избранные философские произведения. М., 1980, стр. 395.

бовь и преклонение, как не восхищением и любовью ко всему им сотворенному? Ведь Бог не наделил людей достаточными знаниями, способствующими познать все истины и самую высшую истину – Бога. Ведь дух непостижим для человека¹.

Человеческое мышление, в действительности, способно только изучить текущие события в рамках времени и пространства. Как трудно дать логическую характеристику бесконечности, вечности, так и трудно выразить их посредством ощущений.

Неопределенность, с одной стороны, привлекает человека, а с другой – навевает страх. Поэтому страх является наиболее таинственным ощущением. Одним из составляющих компонентов божественной любви является страх, другим – чувство преклонения. Целью человека должно быть не достижение Бога, а преклонение перед ним. Вернее, как говорится в Коране, к Аллаху приближаются те, кто служат ему².

¹ Коран. Сура «Перенёс ночью». 85-ый аяат.

² Коран. Сура «Сгусток». 19-ый аяат.

Самым высоким идеалом является не объятие Бога, а наполнение божественным чувством, вера в него, нахождение прибежище у Бога. Некоторые ищут Бога в природе, другие – в душе человека. Конечно, приметы Бога есть везде. Сотворенное – это, как минимум, результат воли Творца. Однако, цель не в том, чтобы найти Бога в себе, а в том, чтобы растворившись в нём, стать каплей океана и слиться с бесконечностью. Поднимаясь по ступеням души («побеждая желания»), соединиться с миром духовным, дойти до момента откровения, понять, что Истина не ты, а то, что ты слит с ней, ощутить себя её частицей – вот великое счастье, наслаждение и достижение мудрости!

Восточное мышление и поэзия в поисках божественной любви тоже старались создать сцену достижения соединения. Именно так появились притязания «достичь истины», «истина во мне». Капля, растворившаяся в океане, возомнила себя океаном. Но после постижения истины, достижения идеала жизнь лишается смысла. Мансур Халладж, убедив себя в достижении этого мгновения, просил лю-

дей убить его¹.

На Западе суфизм не был распространен. Для христианства также характерны приоритет духовного совершенства, обожествление человека. Этому посвящена, например, книга Э. Сведенборга². Однако современный Запад в этом вопросе обошел стороной позицию христианства. В западном образе мышления для достижения индивидуальной, семейной любви нет потребности в божественной любви.

¹ *М. Байат, М. Али Джамния.* Халладж – первый мученик суфизма. Суфийская проза и поэзия. М., 1988, стр. 162.

² *Э. Сведенборг.* Мудрость Ангельская о Божественной Любви и Божественной Мудрости. Львов, Москва. АСТ, 1999 – 736 стр.

Две крайности одного явления: первая любовь и сексуальное чувство

...Стремление получать физическое удовольствие, страсть к наслаждению, будучи первым врожденным пороком, связано с самой природой человека.

Насреддин Тузи

Мнимый прообраз первой любви создается самим влюбленным. Как может творец не любить своё творение?!

Абу Турхан

Первая любовь – это отношение человека к своему же идеалу, якобы воплощенному в ком-то.

При формировании полового чувства в душе подростка инстинктивно загорается некий свет, мир в его глазах становится светлее и красочнее:

*Бутоном была, стала нежным цветком.
Вытянулась длинным колосом,
Была безмолвной птицею,
Лью соловьиным голосом*.*

И соловей начинает сгорать от тоски по цветку. В душе подростка зарождается идеальный образ противоположного пола, что на самом деле является генетически переданным чувством. Возможно, этот образ ещё не полностью сформировался, контуры его нечеткие, аморфные, но это не столь важно. Подросток, сам того не сознавая, ищет воплощение этого образа в реальности. И любая случайность, любое соответствие какого-то реального признака этому образу создает у подростка впечатление достигнутой цели, уверенность в полнейшем тождестве.

Это прекрасное чувство лучше передать словами Дж. Джебрана: «Кто не помнит девушки, которая нежностью своей пробудила его от юношеской беспечности, ранила своей прелестью и причинила муки

* Из азербайджанского фольклора.

очарованием? Кто из нас не тоскует о той дивной минуте, когда, словно внезапно пробудясь, он почувствовал, что всё в нём изменилось, глубины его души расширились, обрели простор и наполнились переживаниями, сладостными, несмотря на горечь утаивания, желанными, несмотря на слёзы, тоску и бессонницу?»¹. И Джебран обращает внимание на то, что первая любовь рождается как необходимое последствие созревания юноши, а встреча с какой-либо девушкой лишь случайный фактор: «На заре жизни у каждого юноши неожиданно возникает своя Сельма. Она придает поэтический смысл его уединению, заменяя радостью скуку дня и музыкой – тишину ночи»².

Это величественное и таинственное ощущение. И впоследствии трудно переубедить подростка в том, что выбранный им «объект» на самом деле отличается от его идеала, потому что он видит не действительность, а свой же воплощенный иде-

¹ Дж.Х. Джебран. Избранное. Ленинград, «Художественная литература», 1986, стр. 24.

² Там же.

ал («первая любовь слепа»). И сколько ударов судьбы должно последовать для того, чтобы развеять это обманчивое ощущение тождественности. Разум утверждает, что это не то, но душа продолжает видеть то, что хочет видеть .

Если руководствоваться принципом «любовь – это мост от сердца к сердцу», то возникает противоречие. В варианте «один любит другого, а противоположная сторона об этом даже ничего не знает», вышеуказанный принцип любви не действует, и рождаются сомнения о природе этих чувств: если она тебя не любит, как ты можешь любить её? То есть, если её сердце не открылось для тебя, то кого же на самом деле ты любишь? Действительно ли это она сама, или речь идёт о трансформации твоего идеала любви в кого-то ввиду случайной искры? Иными словами, будучи незнаком с духовным, нравственным миром противоположной стороны, ты сам себя уверил, что любишь, и это псевдочувство повелевает тобой. Мир твоей любви прекрасен, но это лишь твой мир. Противоположная сторона, в сущности,

для тебя полностью неизвестна, но в своём сердце ты отвёл ей место, поэтому полагаешь, что она такая же, как ты её представляешь и видишь. Твои чувства, отношение к природе, к людям меняются в положительную сторону, они замыкаются, электролизуются, оживают. Но на самом деле это замыкание внутри себя, *короткое замыкание*. Обычно электрический ток рождается из разницы напряжения в противоположных концах провода, ток направляется из одного конца в другой. Во время короткого же замыкания из-за отсутствия ослабляющего звена – сопротивления – происходит пожар. Точь-в-точь как горят Керемы*.

Ученые и практики избегают короткого замыкания, поэты же его воспевают.

Есть такие, кто, постепенно используя огромную внутреннюю энергию атома (атомные электрические станции), превращает её в полезную энергию, и те, кто уповает на силу, рождённую из «короткого

* Речь идет о дастане (поэме) «Асли и Керем», в котором главный герой Керем сгорает в пламени любви.

замыкания» этой энергии (атомная бомба). Похоже, что если поэты будут воспевать силу и мощь атома, они начнут именно с его разрушительной силы.

Да, предположение большинства «любящих» о своей любви на самом деле не является любовью. Но что же это? Превращается ли это чувство в дальнейшем в любовь? Если да, то благодаря чему?

Наверное, только за счёт самой большой жертвы – отдачи души. Только перешагнув через своё собственное «Я», полностью (или хотя бы частично) можно раствориться в «Я» противоположной стороны.

На Востоке это происходит именно в такой форме. И жертвуют своей душой чаще всего женщины.

Пожертвовать своей душой...

И первая любовь, и сексуальное чувство – оба зарождаются тогда, когда ребёнок начинает осознавать себя с точки зрения принадлежности к полу. В этот период в ребёнке просыпаются непонятные ему, неуправляемые чувства, возникаю-

щие как два разных полюса и полностью отличающиеся друг от друга.

Одно чувство призывает юношу к небесам: он ищет своего ангела. Это чувство первой любви.

Другое чувство также обращено к противоположному полу. Но это – животная страсть. В этом случае в противной стороне привлекают не чистота и совершенство, а внешность. Нравственность, духовные качества и ум вообще не принимаются во внимание. На первый план выходит эротическое совершенство, яркое выражение женственности. В этот момент даже возраст не имеет значения. Например, внимание 14-15-летнего подростка привлекает не изнеженная девушка-ровесница, словно ещё не раскрывшийся бутон, а женщина, уже зрелая, дающая большую возможность ощутить свою половую привлекательность. Это совсем не является поиском звезды судьбы или спутника сердца, и вовсе не женитьба является целью. Просто животное сексуальное чувство ищет свой противоположный полюс, и этот полюс – безымянное, безадресное, обезличенное, абстрактное эроти-

ческое проявление. Совершенно неважно, кто является реальным носителем этого явления и каковы его особенности. Напротив, когда эти особенности известны, то есть, узнав человека, уже стесняешься смотреть на него «теми» глазами, потому что это знакомство возвращает тебя к реальности. Растущее же в тебе эротическое чувство, никому конкретно не адресованное, пробуждает желание отделиться, изолироваться от всего, от других реальных отношений, существующих в этом мире, от норм морали, обычаев и традиций, от того, что тебя ограничивает, смущает и препятствует твоему чувству, и остаться вместе со своим чувством и со случайным объектом этого чувства.

Полагаю, что и девушки в этот период чувствуют необъяснимое для себя влечение, тяготение чаще к зрелым мужчинам (в особенности, к считающимся примером мужского характера и мужской силы образам, отражённым в романах и фильмах), нежели к своим ровесникам.

Конечно, в этом возрасте подросток пугается и стесняется своих чувств, прячет их, но внутри не может избавиться от воз-

никшего к женскому полу необъяснимого влечения. Мысли, думы его больше обращены к этой теме. В отличие от опытных мужчин, донжуанов, подросток для реализации своего желания не разрабатывает планы и не принимает реальных действий, даже воздерживается и уклоняется от такой встречи, от включения своего чувства в систему реальных отношений; но, поскольку окружение полно возбуждающих факторов, от этого желания избавиться трудно. Поэтому у подростков появляется стремление к просмотру эротических фильмов. Они стараются больше выходить в мир видео и Интернета; им больше нравится такая среда, где можно освободиться от взора родителей, учителей, взрослых, всего общества, и где проявление эротических чувств ничем не ограничивается и никем не осуждается. Этим объясняется посещение ночных баров, дискотек, клубов и т.п.

Нерегулируемое эротическое чувство окончательно не сформированного подростка, будучи сильнее по сравнению с другими чувствами, может даже стать причиной расстройства психики. В таком

возрасте, видимо, для понимания своих чувств и для умения ими управлять возникает необходимость дать подростку особые знания, что, в первую очередь, является обязанностью родителей. На этой теме мы подробно не остановимся, принимая во внимание наличие достаточных научно-педагогических источников по проблеме полового воспитания. Хотим только привести следующую мысль Б. Рассела о том, что оставлять подростков наедине с их сексуальными чувствами, не давать им необходимых знаний о том, как вывести эти чувства из тайны, сделать их обычными и регулируемыми – должно считаться, по меньшей мере, жестокостью по отношению к ним¹.

* * *

Чувство первой любви, в действительности, не адресовано кому-либо конкретно.

¹ *B. Russel. On education. London. Routledge, 1994, p. 141-142.*

В подростковый период любовь начинается одновременно с двух различных полюсов. С одной стороны, тело созревает, и эротическое чувство проникает в мир души. С другой, формируется и приобретает особое значение эстетическое чувство по отношению к противоположному полу. С годами эти два чувства сближаются. С возрастом половое влечение подростков переносится от «раскрытого цветка» к «бутону» и, наконец, сосредотачивается на своих сверстницах. В этот период чувство первой любви также спускается с небес на землю и приобретает возможность слиться с уже контролируемым эротическим чувством. А основным условием зрелости для реальной любви, для брака является именно соединение этих двух полюсов, уравнивание притяжения земли и неба.

Правда, слияние спонтанно возникнувших чувств возвышенной любви с рождающимся эротическим чувством, т.е. момент совершенства любви, дан судьбой не каждому. Кто-то ещё раньше времени абсолютизирует или свои высокие чувства, или сексуальные, становясь их пленни-

ком. Кто-то не может спуститься с небес на землю, а кто-то всю жизнь влачится и никогда не может возвыситься над своим эротическим инстинктом.

Однако индивидуальная (половая) любовь, находящаяся в центре внимания и воспринимаемая как любовь, в узком смысле этого слова, рождается не столько из тождественности, сколько из различия. *Любовь как дополнение* лежит в основе и всемирного притяжения, и продолжения рода человеческого. И это чувство из области бессознательного. Его появление и счастливый конец зависит от судьбы, фатума.

Если направить всю потенциальную энергию любви человека только в одну точку, нарушится пропорция, исчезнет гармония.

Любая крайность непозволительна.

Хотя первая любовь и божественная любовь основываются на любви как тождестве, сладострастие, животный соблазн, эротическая любовь, выступающие её проекцией в физическом мире и живой жизненной формой, являются силой, низводящей любовь с небес на землю, пре-

вращающей ее из потенциального состояния в актуальное. Зигмунд Фрейд утверждает даже, что в основе всех других чувств лежит эрос. Сегодня эту мысль разделяет почти вся Европа, но она не является её открытием.

Более совершенная форма этой идеи была выдвинута ещё на исламском Востоке в средние века. Ш. Сухраверди писал: «Источником всех движущих и познающих сил является животный соблазн». Однако на Востоке знали и то, что это «чудо» происходит не по причине высокого положения, который занимает животный соблазн в природе человека, в структуре соблазна вообще, а наоборот. Он стоит на самой ее низкой ступени, ближе к телу, в непосредственном соприкосновении с телесной энергией, от чего и исходит иллюзия «чуда».

Страсть обладает большой силой, хотя в сравнении с земными чувствами занимает место на ступеньку ниже. Это связано с генетической сущностью и исходит из глубин самой жизни и природы всего живого. Страсть обусловлена инстинктом и непосредственно не связана с

разумом и волей. Рене Декарт писал, что «страсти не могут быть вызваны непосредственно нашей волей, и от них нельзя освободиться просто усилием воли»¹.

Это правда. Но это не даёт оснований отдалиться вожделению и оправдывать себя за этот предосудительный поступок. В действительности Р. Декарт заводит речь о уже возникнувшем и вышедшем из-под контроля сексуальном чувстве². И личная воля должна до этого сделать своё дело, то есть человек не должен ставить себя перед своим чувством в подобное безвыходное положение. Это похоже на ненасытность выпивкой. Самый надёжный самоконтроль – контроль во время трезвости, значит, самое главное – отказаться от первых бокалов. Если не сделать этого, после опьянения теряется возможность контроля, и руль переходит в руки алкоголя.

Мы коснулись этой прозаической темы совсем не случайно. Таким образом,

¹ Р. Декарт. Сочинения в двух томах. Том 1. М., 1989, стр. 501.

² Там же, стр. 502.

любовь иногда сравнивают с пристрастием и ненасытностью. Однако у любви нет ничего общего со страстью к женщинам, как и со страстью к выпивке, к деньгам. Несмотря на то, что пристрастие к выпивке, к наркотикам, к деньгам или же к сексуальному чувству бывает в силу разных причин, по сути, оно является потерей внутреннего контроля воли, затуманиванием мозга. Интересно, что выступающие против сравнения любви с перечисленными выше средствами, доставляющими удовольствие, также выдвигают на передний план именно её отуманивающее, ослепляющее воздействие на рассудок.

*С пожарища любви дым бросил я
по странам,
И очи разума задёрнул я туманом¹.*

Эта особенность любви, как мы указали выше, является либо проявлением «короткого замыкания», называемым нами «первой любовью», либо проявлением не

¹ Н. Гянджеви. Хосров и Ширин. Баку, 1985, стр. 38.

подчиняющегося здравому смыслу инстинктивного, сексуального чувства. Интересно, что эти два посторонних состояния в конечном итоге оказывают одинаковое действие. Выдающийся русский философ Вл. Соловьёв пишет: «И в высшем человеке Эрос действует, творит, рождает, а не мыслит и созерцает только. Значит, и здесь его прямой предмет – не умопостигаемые идеи, а *полная телесная жизнь*, и противоположность между двумя Эротами есть лишь противоположность нравственного и безнравственного отношения к этой жизни»¹. Вл. Соловьёв, отличая нравственно-человеческую форму любви от животной страсти, пытается также исследовать наличие или отсутствие идентичности в их природе. О связи (на самом деле, об отсутствии связи) эротического чувства с другими проявлениями любви он пишет следующее: «Любовь как *эротический пафос* – в высшем или низшем направлении, все равно – не похожа на любовь к Богу, на человеколюбие, на лю-

¹ Вл. Соловьёв. Сочинения в двух томах, том 2, М., 1990, стр. 614.

бовь к родителям и к родине, к братьям и друзьям – это есть непременно *любовь к телесности*»¹. На самом деле, главным отличием индивидуально-плотской или, другими словами, половой любви от других форм любви, является, в большей или меньшей степени, участие здесь сексуального чувства. Вл. Соловьев пытается раскрыть именно значение и цель этого чувства: «К чему, собственно, стремится любовь относительно телесности?...». Здесь он вспоминает мысль Платона о рождении Эроса из красоты и сравнивает его учение о любви с прекрасным махровым цветком без плода².

Сексуальное чувство хотя и инстинктивно, но в действительности совсем не простое и однородное, оно обладает сложной структурой. Сюда входят, с одной стороны, творческая страсть, с другой - чувство дополнения. Стремясь к воссоединению со своей половинкой, человек не думает об этом, именно как о попытке реа-

¹ Вл. Соловьев. Сочинения в двух томах, том 2, стр. 615.

² Там же.

лизации некой стихийной и несознательной потребности продолжить свой род. В действительности, для обычного сознания объяснить это сложно, и здесь не помогут даже особые биологические и социальные знания, поэтому человек даже не пытается осознать это чувство. Чувство дополнения же, кроме того, что оно является некой формой естественного стремления к более универсальной целостности, совершенству, единству, также частично является порождением инстинктивного творческого стремления. То есть, для принятия на себя миссии продолжения человеческого рода, природа человека должна быть представлена не частично, а полностью. Целостность может быть достигнута только благодаря соединению различных проявлений человеческой природы. Если в основе стремления к единству, целостности и гармонии, с одной стороны, лежит генетически-биологический инстинкт творчества, с другой стороны, это есть особое состояние зачарованности человека природой, точнее, гармонией в природе. Человек старается воссоединиться не только со своей

половинкой, но в её лице и с гармонией мира...

Да, мы не являемся даже сторонниками взгляда «сверху вниз» на сексуальное чувство и не считаем его животным проявлением. Чтобы уметь управлять этим чувством, необходимо не отрицать его, а понимать и познавать. Значит, если сексуальное чувство войдёт в структуру высших чувств, всегда будет в их окружении, то не сможет играть решающую роль рядом с более высокими чувствами. Если лишить его соседства и общения с прекрасными чувствами, вытравливать его и держать за закрытой дверью, то возникнет *эффект сжатой пружины*. Чувство это станет ещё более необузданным, диким и собственной рукой человека оттолкнется к чисто животному (плотскому) началу, хотя в нём есть искры творческой любви, и оно, как, превратившись в огонь, может сжечь душу, так и, превратившись в свет, может её осветить. То есть, сексуальное чувство, попав в среду благородных чувств, может стать основой последующей любви.

Присутствие нежности и близости в человеческой страсти в отличие от плотской страсти! При общении с высшими чувствами страсть становится изящной, благородной, красивой; она пополняется некой застенчивостью, мягкостью, даже некоторой стыдливостью. Можно ли сравнивать отношение человека к любимому и уважаемому им человеку, спутнику жизни с отношением к уличной женщине, с проявлением дикой, животной страсти?! Животная страсть не входит в структуру любви, не имеет к ней никакого отношения. Но, с другой стороны, полая любовь также не избавлена полностью от сексуального компонента. Просто необходимо принять во внимание, что здесь сексуальный компонент имеет в значительной степени различное происхождение и даже сущность. Главный вопрос заключён в дифференциации самой плотской страсти. Не менее важный вопрос в том, с какими другими чувствами смешано это чувство. Соль в чистом виде едят лишь животные, человек же добавляет его в пищу. Как сказал Абу Турхан, «страсть – это соль любви». В этом случае вспоминается также

одна английская пословица: «Любовь – соль жизни». Значит, страсть ценна в контексте любви, а любовь – в контексте жизни.

В мире много прекрасного. Что же является причиной особого отношения к женской красоте? Какая черта женщины больше привлекает мужчину: внешняя ли красота, нежность ли, ум ли, или характер и моральные качества? Что здесь достигается чувством, а что – умом?

Социализация женщин и трансфер любви

Мужская любовь частична, она не захватывает всего существа. Женская любовь более целостна. Женщина легко делается одержимой. В этом смертельная опасность женской любви.

Н.А. Бердяев

В течение многих веков на Востоке пространство социализации женщины состояло из «отцовского дома», «дома свёкра» и из дороги между ними. Самое большое изменение в жизни женщины заключалось в её *переселении* из одной семьи в другую, где она становилась *невесткой*. Живя в одной семье, подготавливать себя для другой было серьезной социологической и психологической проблемой, значительным событием для

женщины, сравнимым даже с любовью. Ныне это называется «создание семьи», но долгое время, иногда даже и сегодня для девушки это, в действительности, означает «переселение в семью мужа».

Пространство любви ограничивается отношениями с одним человеком. «Переселение» же ставит проблему построения отношений не только с любимым мужчиной, но и с его семьей. Антагонизм невестка-свекровь возникает в зависимости от различий между семьями, от того, насколько выросший в одной семье человек сможет адаптироваться к порядку, духу другой семьи, или даже от того, насколько умело он сможет применить новые правила в другой семье.

Действительно, в Европе девушка не «переселяется», а вместе с женихом создает новую семью. Сейчас и у нас «переселение» сменяется «созданием».

Что лучше?

Конечно, первое, что приходит на ум – отдать предпочтение «созданию». В условиях развития быстрыми темпами общества это, возможно, является наилучшим вариантом. В любом случае, создаёт-

ся локальная среда для испытания любви двух людей.

Однако и здесь возникают особые проблемы. Прежде всего, молодым людям, только что завершившим своё обучение, очень трудно создать необходимые для семьи условия, поэтому забота об этом ложится на плечи родителей. В результате, снова расширяется среда, сталкиваются вкусы, влюблённые попадают в зависимость от старших.

Но предположим, что, невзирая на все трудности, молодые люди решают жить самостоятельно. На почве социально-экономических и бытовых проблем романтическая любовь отходит на второй план, постепенно приобретая «прозаический» облик. Совместная созидательная работа, общие трудности и неудобства, вытекающие из лишений и нехватки времени, подвергают любовь ещё более тяжёлым испытаниям. Возникает такая мысль, что переселение невесты в обустроенный дом, принятие опеки более опытного и сдержанного старшего поколения в разрешении бытовых проблем более благо-

приятно для сохранения романтики в отношениях влюблённых.

Как видно, «переселение» и «создание» - каждый из них имеет свои преимущества и недостатки. В любом случае, любовь ожидают испытания суровой действительности. Начинается второй, более реалистичный этап любви. Единство интересов, созидательная деятельность, общие трудности, совместная борьба и общая радость достигнутых в этой борьбе успехов, – всё это даёт сошедшей с небес любви дополнительный импульс для укрепления в новых условиях.

Однако в условиях *социализации* для любви возникают новые опасности и испытания. Чтобы самостоятельно жить и содержать семью, мужчина вынужден работать и проводить большую часть своего времени вне дома. Жизнь мужа вне пределов семьи ставит перед женой альтернативу подстраиваться к жизни внутри семьи или, выйдя за рамки семьи, вовлечься в общественную жизнь, как это сделал муж. Этот второй выбор в последнее время актуализировался под флагом гендерного

равенства и стал основой процесса «социализации женщин». В это время любовь сталкивается с новыми испытаниями. На работе мужа есть много других женщин, на работе жены также много других мужчин, и необходимость построения отношений с ними требует формирования новых норм культуры и морали. Поскольку на Востоке в этой сфере отсутствует традиционность, часто на первый план выходят западные стереотипы.

Количество романтических мгновений, которые муж и жена могут совместно проживать, уменьшается. Во-первых, возникающие в быту и процессе построения семьи заботы, проблемы, во-вторых, трудности в отношениях со свекровью, в-третьих, если есть бедность, материальные проблемы и др., – всё работает против высокого эстетического чувства и романтики.

А на работе... На работе все аккуратные, опрятные, все приходят, словно оставив свои проблемы и заботы дома, все здесь свободно дышат.

Парадокс отдыха на работе! Конечно, не на всех работах спокойно, человек и

здесь может устать и получить дополнительный стресс. И этот стресс он перенесёт домой, что снова во вред любви.

Но на работе нервы не так натянуты, как в семье, и забот меньше. С виду все культурные и говорят друг другу приятные слова. Женщины, лишённые в семье приятных слов, иногда на работе вдоволь слышат комплименты. Настроение человека для романтических чувств более благоприятно именно в таких условиях, нежели в семье. Кто-то, зарядившись на работе этой энергией хорошего настроения, переносит его в дом, а кто-то пытается найти своё «счастье» именно на работе.

Фактор социализации раскрывает разные горизонты перед холостыми и семейными людьми. Точнее, если перед теми, кто ещё не сделал свой выбор, открывается широкий простор для выбора, то для тех, кто уже связал своё сердце с кем-то, открывается поле для борьбы с искушением. Любовь и нравственность испытываются на прочность.

Таким образом, вовлечение девушек и овдовевших женщин в общественную жизнь и работа семейных женщин не яв-

ляются однородными явлениями, и существует большая необходимость широкого социально-психологического исследования данной проблемы.

«Социализация женщин», внося разнообразие в рабочую среду мужчин, может вызвать у последних новый интерес. В особенности, если семейная любовь ненастоящая и некрепкая, будет трудно успешно справиться с испытанием ввиду раскрывшихся новых возможностей.

На Западе общественная жизнь важнее семейной, потому семьи часто бывают недолговечными. И это не в последнюю очередь связано с социализацией женщин. И всегда находятся мужчины, которые должным образом «оценивают» любовную ауру, открываемую общественной жизнью женщин.

И донжуанство, естественно, продукт западного мышления. Если конечная цель – привлечь внимание женщины, «соблазнить», «приручить» её, и если кто-то мастер в этой области, то это не имеет ничего общего с любовью. Здесь речь идёт просто о злоупотреблении слабостью или наивностью женщин, ещё не умеющих от-

личать истинную любовь от притворства. Хуже всего, когда, не пытаясь овладеть сердцем некой девушки, стремятся обладать лишь её телом для удовлетворения своей страсти.

Конечно, здесь необходимо разграничить два разных случая с точки зрения морали. В первом случае, противная сторона добровольно, без принуждения, отдаётся совершенно незнакомому человеку или по «велению души», или же за деньги. Ночные клубы и большинство ночных заведений служат именно этой цели, и здесь женщина выступает в определенном социально-моральном статусе. И мужчина, посещающий такие злачные места, не ищет любви, ему нужно лишь удовлетворить свои низменные страсти. Он утешает свою совесть тем, что не он приглашал этих женщин в клуб, и ответственность за их поведение несёт тоже не он. На Западе это нормально. Там нет необходимости скрываться от других, там принято не стесняться своего желания и образа жизни, если они не запрещены законом. Иными словами, есть сфера, не ограниченная правосудием, в пределах которой человек

может себя чувствовать совершенно свободно.

На Востоке же люди вынуждены скрывать свои действия, совершаемые в момент слабоволия, ибо они выходят за рамки этической нормы. Дело в том, что на Востоке, в случае обвинения в прелюбодеянии, человеку грозит осуждение окружающих, унижение и назидание намного большее, чем это предусмотрено законом. В результате, закулисная жизнь людей отличается от жизни «на виду», где каждый хочет выглядеть благовидным; общество становится двуличным, и трудно определить, кто есть кто в нравственном отношении. Таким образом, на Востоке причиной вовлечения людей в двуличие в вопросах морали является неадекватность общественного осуждения и наказания поступка.

Но есть и другой случай. Корыстное отношение к порядочной девушке или замужней женщине, матери, занимающей определенное место в семье и обществе, и злоупотребление при этом своими должностными полномочиями есть нечто совершенно другое, чем приключения во

время командировки, посещение ночного клуба или отношения со свободной женщиной на основе взаимного согласия. На Западе за подобное отношение, даже просто за попытку к нему предусматривается правовое наказание. Да, на Западе, о котором мы худшего мнения, случаи домогательства со стороны должностного лица по отношению к своей подчиненной, преподавателя к своей студентке и т.п. не только привлекаются к юридической ответственности, но и само общество осуждает их. Главное, такое нормальным людям и в голову не приходит, то есть в этом вопросе Запад добился адекватности права и морали. Женщины, прекрасно знающие свои права и не вынужденные испытывать чувство стыда за аморальное поведение противной стороны*, в подобных случаях обращаются непременно в суд**. Активное

* На Востоке женщина считается виновной при любой ситуации. Именно эта социальная несправедливость обеспечивает свободу мужчине для злоупотреблений этим преимуществом.

** На Западе (особенно в США) это право женщин иногда достигает абсурда и в результате

право, высокий уровень правовой культуры, в конечном итоге, и определяют моральные установки в обществе. Мужчина, опасаящийся того, что противная сторона не будет молчать, не пытается проявлять инициативу, потому что уверен в неизбежности общественного порицания (вспомним историю с Моникой, ставшей уроком для многих). Постепенно этот страх формирует нравственную позицию, вырабатывается профессиональная мораль, и должностное лицо и не думает даже о свободном обращении со своей подчиненной, наглom и корыстном отношении к ней.

А у нас? По причине невыполнения правом своей функции и низкого уровня правовой культуры, женщина, столкнувшаяся с наглым к себе отношением, не

создается почва даже для шантажа. Если женщина вызывающе одета и должностное лицо – мужчина – посмотрел на неё пристально, то этого достаточно, чтобы суд оштрафовал его. В странах Запада, где высокий уровень жизни, судьи выносят приговор обычно в пользу женщин, штрафуя её "шефа". Многие женщины на этом зарабатывают иногда и немалые деньги.

знает, как поступить в такой ситуации; она должна или стерпеть все унижения, или уйти с работы, пока совсем «не опозорилась», и подыскать себе новое место, как бы это не было трудно в наше время, или же, наконец, она вынуждена рассказать о приставаниях со стороны шефа своему мужу, брату, отцу, что на Востоке часто чревато кровопролитием. А самый оптимальный на Западе вариант - обращение в суд - на Востоке никому даже в голову не приходит, ибо в большинстве стран Востока и уровень правовой культуры, и уровень суда, и общественное мнение ещё не созрели для этого. Поэтому перед мужчинами открываются широкие возможности злоупотребления именно этим «безвыходным» положением женщины, её нежеланием опозориться перед всеми.

Конечно, было бы более уместно в книге о любви вести речь и об отношениях любви и дружбы между юношами и девушками, свободными мужчинами и женщинами. Однако негативные случаи, о которых упоминалось выше, актуальны сегодня настолько, что в этом контексте

приходится говорить о псевдолюбви и антилюбви.

К сожалению, восточные мужчины, в поэзии возвышающие любовь до небес и воспевающие её как чистое и священное чувство, в реальной жизни ведут себя совершенно иначе. Видимо, здесь играет роль и неправильное формирование общественного мнения, и несправедливое разделение степени ответственности между мужчиной и женщиной. Словом, вся ответственность за семью возлагается на женщину. Слабость женщины порицается больше, чем провокационное поведение мужчины. Мы считаем, что мужчина, будучи представителем сильного пола, должен нести бóльшую ответственность. Но виноватым является не только он, ещё бóльшая вина ложится на общество. В косном обществе трудно защитить высокую мораль.

Одна из причин искажения социального ракурса любви на Востоке в том, что идеал любви слишком высок и далёк от реальности, потому недостижим для обычных людей.

На Западе на вооружении у новобрачных находится комплексное учение о семье, исходящее из реальных общественных отношений, из системы господствующих нравственных ценностей, преобладающего общественного мнения, экономического состояния семьи и даже из знаний в области психологии и физиологии человека. А у нас и сегодня ведущей является тенденция поэтизации, идеализации любви до недостижимых, отвлеченных понятий. С такой позиции трудно трезво оценить и понять реальную проблему семьи. «Дар любви», стремление встать над обществом – удел избранных. Важно отметить и то, что эти избранные не могут достичь простого человеческого счастья и обречены на вечные «муки любви».

Большинство людей понимает, что невозможно жить в обществе и быть свободным от установленных им «норм». У «нормальных» людей и отношение к любви «нормальное», в пределах умеренности чувств. На Востоке же нет концепции «нормальной любви»; это считалось делом недостойным. В результате, налицо отсутствие образцов, инструкций, которые бы

могли оказать теоретическую и практическую помощь молодым. В этом плане мы отстаём от Запада, а устойчивость семьи у нас фактически обеспечивается самоотверженностью женщины, матери.

К сожалению, двойственное отношение к женщине у нас чуть ли не перешло в норму. Произошло разделение на «свое» и «чужое», устоялся моральный эгоизм, глясящий, что каждый отвечает лишь за свою семью.

Сегодня любовь принижена. Провозглашаются новые «влюбленные», которые «проповедуют» новую «веру», противоречащую всем религиозно-этическим традициям народов. Жизнь становится банальнее. Под видом европеизации отвергаются высокие идеалы, опошляется любовь. Но Запад вовсе не таков, как мы о нём думаем. И Восток уже не тот классический Восток, а некий конгломерат. Поэтому, если мы хотим сравнить любовь на Востоке и Западе, то мы должны исходить из их лучших традиций, а не из потерявших своё лицо реалий повседневности.

Сравнительный анализ восточной и западной концепций любви

*На Востоке свет познания раство-
ряется в свете любви.*

На Западе – наоборот.

Абу Турхан

Несомненно, человек влюбляется независимо от себя. Однако человеку под силу управлять чувством любви, дополнять её другими высокими чувствами. Это его долг. Гуманность, человеколюбие не должны быть приведены в жертву влюбленности. Любовь, доведенная до крайности, в любом случае завершается трагедией. При невозможности соединения влюбленных, трагедия очевидна. А если влюбленные соединились?

Кстати, почему же поэты не завершают истории большой любви долгожданным соединением влюбленных?

Потому что оно разрешает все «проблемы» и губительно действует на идеализированную любовь. Томление же, наоборот, ещё сильнее разжигает любовь:

*Пусть плоть моя сгорит, мой дух
исчезнет бренный,
Останется любовь в моей душе
смятенной.
За то, чтобы хоть раз узреть
твой светлый лик,
Готов я сжечь себя, весь мир
благословенный¹.*

Это очень характерно для восточной поэзии. Воспеваются ожидание встречи влюбленных, её недостижимость и уныние, вызываемое жестокой разлукой. Эту любовь нельзя переносить в плоскость реальных человеческих отношений, потому что отношения между сторонами неадекват-

¹И. Насими. Избранная лирика. В двух томах. Том 1. Баку, 1973, стр. 69.

ны. Разочарование идеализирующей стороны неизбежно: рано или поздно становится очевидным, что кажущееся не есть реальность. Иначе для создания семьи любовь является основным, но недостаточным условием. Создав семью, человек неизбежно сталкивается с прозой жизни. Дальнейшие отношения с любимым человеком неизбежно и опосредованно определяются этой реальностью. Конечно, если бы всё это было учтено заранее, все чувства не были бы подчинены лишь одному чувству, и в сердце влюбленного кроме возлюбленной оставалось бы место и для других реалий, то такая любовь была бы более реалистичной. Чувство, доведённое до крайности, не согласуется с реальностью и обречено на распад.

Да, влюблённость независима от самого человека, его воли, но она зависима от уровня его развития. Абсолютизация чувств и все возможные крайности случаются тогда, когда интеллектуально-нравственный уровень человека недостаточно высок, и его духовный мир развивается негармонично. Неслучайно, наши мудрецы говорили, что *«первая любовь*

*не умолкну никогда,
Я – нераскрытый тайный мир,
влюбленные – мои ключи.
Пой, соловей, любовь буди,
пой звонко, не молчи.
Померкнет солнце без тебя,
покроет землю тьма,
Пой песню соловей, пусть
пробуждается она...¹*

Как величественны чувства! Несомненно, это прекрасные образцы восточной поэтической мысли.

Насколько буйство чувств в моменты вдохновения удовлетворительно для поэзии, настолько оно недопустимо для принятия трезвого и сознательного решения, исходящего из логики большого временного интервала, всей человеческой жизни и истории человечества. В соответствии со стилем классического Востока, и в этом стихотворении любовь носит эгоистический характер. Здесь уже пожертвуют не Самаркандом, а всей солнечной системой. Однако если бы не было Солнца, не

¹ Ж. Жаббарлы. Сечилмиш ясярляри. Б, Чашыоблу, 2004, сящ. 317.

было бы ни жизни, ни влюбленных! Мы далеки от восприятия поэта буквально, прозаически. Но, вместе с тем, мы не можем забыть о том, что свет и солнце - более универсальные символы любви, нежели черноокая красавица.

Конечно, в поэзии главное – чувства. Воспевая одно чувство, забывают об остальных, поэтому на одном поэтическом мышлении далеко не уйти. В реальной жизни любовь должна проявляться как неразрывное единство чувства и разума. Человек должен обладать навыком правильной оценки своих чувств и умело переносить их в плоскость реальной жизни. Если отдаться чувствам считается показателем высшего уровня индивидуальной свободы, то самообладание, учёт общественной реальности, интересов и чувств других является высшим проявлением социальной зрелости, свободы личности. Именно в социальной плоскости рядом с чувственным компонентом любви развивается её разумный компонент.

А на Востоке чувство не оставляет места для разума. Видимо, результатом подобного дисбаланса и является то, что

пленники индивидуальной любви не считаются с чувствами не только других, но даже любимого человека. Человек, готовый отдать ради любви весь мир, иной раз отказывается нести «бремя» уважительного отношения к чувствам возлюбленного.

Неограниченная сила чувства является иногда результатом его недифференцированности. Воспитание чувств, попытка познать и оценить их, классифицировать, понять их причины, – всё это этапы нравственно-интеллектуального развития человека. Иными словами, любовь должна рассматриваться не только в плоскости чувств, но и интеллекта. Для управления сильным чувством требуется умение глубоко мыслить, социально-нравственная ответственность и сильная воля. Как говорил Гораций, большая сила, не управляемая разумом, обречена на гибель под давлением собственной тяжести. Как гибкий ум безнравственного человека только увеличивает зло, так и сильные чувства невежественного человека ничего хорошего не обещают.

Пламенная любовь, не охлажденная умом, рано или поздно испаряется, исче-

зает. Здесь нельзя не вспомнить четверостишие Абу Турхана:

*Чувства погаснут от мыслей холодных,
Если не закалить их вместе в огне.
И Керемы сгорят в пепел дотла,
Если в пламя не добавит
мудрость извне.*

Было бы ошибочным считать, что Восток всегда был сентиментальным и недооценивал роль разума. Наоборот, рационализм впервые утвердился именно на Востоке. Наука, знание и просвещение были воспеты не меньше, чем любовь. Даже самая большая любовь была адресована разуму. Однако, одно дело – воспевать разум, другое дело – руководствоваться им.

К сожалению, с уходом эпохи Ренессанса на исламском Востоке чувства постепенно лишились своего высокого содержания, сошли с вершины мудрости до уровня удовольствий. Эта трансформация нашла своё отражение как в сфере любви, так и в отношении к ней.

Использование восточными поэтами при воспевании любви к родине традиционных выражений, метафор и эпитетов, адресованных любимым девушкам, красавицам, является результатом всё ещё недифференцированности, большей абстрактности чувства любви. Однако на Западе поэтические образы конкретизировались, а любовные чувства к родине, свободе и независимости приобрели форму специфического художественного выражения. Это, наверное, зависит от степени участия умственного компонента в любви.

Действительно, западная любовь рационализирована и, видимо, именно благодаря этому она является дифференцированной. Значит, изменяется не только объект любви, но также её характер и содержание.

На Западе государственное сознание, чувство национальной гордости и чувство родины сформировались, пройдя через фильтр интеллекта. А поскольку интеллект расставляет всё по своим местам и регулирует чувства, то на Западе и поступки человека, и чувства развивались в рамках общественных норм. Любовь под-

верглась более интеллектуальному воздействию и социализировалась.

На Востоке общественное сознание, существующие нормы морали, традиции также находятся в числе факторов, влияющих на чувство любви. Но здесь степень индивидуализации, интимности любви в большей мере относится к внутреннему миру человека и не социализирована. С другой стороны, общество, в котором свободы личности ещё не обеспечены, мешает влюбленным сойтись, на пути любви создаётся некая преграда, и, чтобы преодолеть её, любовь приобретает более высокую эмоциональную потенцию. Как отмечал Лопе де Вега, «ничто так не усиливает любовь, как неодолимое препятствие»¹.

Поскольку на Западе чувственность всегда покорялась интеллекту, не возникало опасности её отдаления от реальности. Однако любовь, лишённая крыльев и возможности парить в небесах, была снижена до уровня атрибутов телесного существования.

¹ Энциклопедия ума. М. 1998, стр. 209.

Шопенгауэр сравнил любовь с голодом: «Любовь походит на голод, и как голод она есть зло для человека»¹. Однако уподобление любви (на деле же сладострастия) голоду не является свидетельством её вредности. Если бы человек не питался, то не было бы и обмена веществ в организме, без которого он вообще не может жить. Иными словами, это необходимый для жизни процесс. Эрих Фромм пишет: «С точки зрения психологии, такие чувства, как сексуальность, голод и жажда, характеризуются самоуправляемой динамикой; их интенсивность возрастает до тех пор, пока не достигает кульминационного момента в удовлетворении желаний, которые после этого исчезают на некоторое время»². Исчезают и восстанавливаются по мере энергетической стабилизации. Иными словами, страсть, как и голод и жажда, дискретно изменчива, поэтому на базе индокитайского учения и дзен-буддизма разработано особое учение, пре-

¹ Энциклопедия ума, стр. 209.

² Э. Фромм. Мужчина и Женщина. М. 1998, стр. 124.

дусматривающее сознательное управление энергией страсти и правильное её сбалансирование.

Между дискретно изменчивым чувственно-биологическим состоянием, связанным с телесной энергией человека, и таким постоянным чувством, каким является любовь, нельзя поставить знак равенства. Но нельзя также отрицать определённую связь между ними.

Интересно, что в соответствующих индокитайских учениях об управлении страстью, о подчинении её волевому акту, даже направлении энергии одного чувства в другое энергетическое русло говорится не в медицинском или биологическом, а психологически-философском контексте. Удивительно то, что эти учения появились не на Западе, а на Востоке, причем за несколько тысячелетий до З. Фрейда. Фрейд и его продолжатели намного отстают от восточных учений, поскольку к психической ситуации подходят с точки зрения физиологической основы.

С другой стороны, на Западе все-сторонне изучены социальная психология, психические и нравственные основы об-

ществленных процессов; проделана большая работа по социальному регулированию и согласованию с общественной реальностью не только таких потребностей, как голод и страсть, но и более высоких чувств, таких как, например, любовь.

Чрезмерность чувства любви на Западе считается даже дурной приметой. Поскольку на первый план выдвигаются интересы семьи, фактор любви по мере возможности сужается. Как пишет Л. Стоун в своей книге «Любовь, секс и брак в Англии в 1500-1800-х годах», в первых веках нового времени в этой стране осуждалось взятие романтической любви и эмоций за основу семьи¹. А во Франции они могли служить основой для отношений любовника и любовницы, а семья строилась на основе взвешенных планов². Это те самые «планы», к которым мы на Востоке всегда относились иронически. Вопрос героя азербайджанского фильма

¹ L. Stone. The Family, Sex and Marriage in England, 1500-1800. N.Y. Harper & Row, 1977, p. 86.

² Le Roy Ladurie E. Montaillou / Trans. B. Bray. N. Y.: George Braziller, 1978, p. 186-187.

«Где Ахмед?» о том, что «разве женитьба может быть по плану?», не потерял свою актуальность и сегодня. По какому праву разум строит планы там, где повелевает сердце? Здесь для символизации крайнего западного мышления, хочется привести четверостишие Абу Турхана:

*Все тонкие чувства, тревоги, волненья,
Долгие годы, часы и мгновенья, -
Единого целого осколки, крупницы,
Хорошо задуманного плана частицы.*

На Востоке бытует мнение, будто идея планирования семьи является покушением на чистоту, первозданность любви. На Западе же, как видно, сама любовь считается чуть ли не покушением на семейные планы. Не перестаешь удивляться каждый раз, когда обращаешься к исследованиям, посвященным вопросам брака и создания семьи на Западе. Например, в одном из исследований, удостоенных Нобелевской премии, рассказывается о «брачном рынке»; отношения двух влюбленных, традиционно воспеваемые в восточной поэзии, включаются в контекст рыночной экономики. Так, американский

экономист Г. С. Беккер в своей книге «Поведение человека; экономический подход» пишет следующее: «Человек, войдя в брачный рынок, надеется, что у него выгоды будет больше, чем во времена одиночества»¹.

Под семейностью на Западе понимается не столько любовь и отношения между полами, сколько общая собственность и общее хозяйство. Процедуры бракосочетания и развода в юриспруденции предусмотрены как действия по слиянию и разделению имущества. Постоянное половое партнерство не может служить основой для создания семьи. Беккер пишет следующее: «Например, мужчина и женщина откладывают брак до тех пор, пока они не убеждаются в важности воспитания детей, домашнего хозяйства и других полезных начинаний»².

Конечно, неудивительно, что в мире капитализма в вопросе создания семьи, как и во всех других вопросах, капитал

¹ Г.С. Беккер. Человеческое поведение; экономический подход. М.: ТУВШЕ, 2003, стр. 396.

² Там же, стр. 402.

является самым важным фактором. Одновременно нельзя предполагать, что западные люди игнорируют любовь вообще: «Читатели могут спросить, – пишет Беккер, – есть ли в моем исследовании место для романтических привязанностей, или любовь слишком эмоциональна и иррациональна для её исследования в рамках экономического подхода?»¹. По этому поводу Г. Беккер отмечает, что на Западе, в отличие от некоторых обществ, при создании семьи роль любви всё же учитывается². А что это за «некоторые общества»? Как бы это ни выглядело парадоксальным, Беккер, наверное, имеет в виду нас, исламские страны. Видимо, главную роль здесь играет фактор чадры. Ведь западному мышлению противоречит мысль о возможности любить человека, с которым не состоишь в интимных отношениях. С другой стороны, на Западе существует такое представление, что в мусульманских стра-

¹ Г.С. Беккер. Человеческое поведение; экономический подход., стр. 402.

² Там же.

нах девушку выдают в обмен на «калым», или «башлыг»*.

Действительно, на Западе калым не существует, но есть план. А калым на Востоке не носит повсеместный характер и порой опирается на рациональные причины. Например, если бы на Западе брали бы калым, то за высокообразованных девушек он составлял бы огромную сумму. А в Туркменистане калым за девушку со средним образованием составляет большую сумму, нежели за девушку с высшим образованием. Самая высокая же сумма предназначена за необразованных, домашних девушек. Значит, главное то, на чём акцентировать внимание, из каких критериев исходить, что предпочесть. Где-то важны одни критерии – опытность, образованность и независимость девушки, а где-то другие – кротость, покорность, целомудрие.

В странах Запада, где нет калыма, интерес к богатству и материальной состоятельности невесты играет всё же важную

* Денежная сумма, которую жених должен платить родителю невесты.

роль. Экономический критерий на Востоке и Западе проявляется по-разному, но сущность одна и та же. Однако западные люди, умеющие искусно маскировать свои экономические интересы, посмеиваются над наивностью восточных людей.

В системе западного воспитания, в том числе и в системе советской педагогики, которую и сегодня используют наши педагоги, чувство любви не раскрывается как высокая духовная ценность. Во многих случаях оно представлено на уровне половой потребности или основы супружеской жизни. Например, в статье Л. В. Воробьева, помещенной в учебном пособии для средних школ, говорится следующее: «Тайна любви имеет отнюдь не возвышенно-небесное, а прозаическо-земное происхождение. Без полового влечения любовь невозможна»¹. Наверно, поэтому прежде чем убедиться в своей любви, мужчина и женщина должны быть в интимных отношениях. Главной причиной

¹ Хрестоматия по этике и психологии семейной жизни: учебное пособие для учащихся старших классов. М., Просвещение, 1987, стр. 44.

такого подхода на Западе является то, что здесь понятие любви и половой жизни взаимосвязаны больше, чем это бывает в реальности.

Конечно, и в философии Запада, и в русской художественной и философской мысли немало случаев, когда о любви говорится как о высоком духовно-эстетическом чувстве. В дворянскую эпоху Россия была в большей степени восточной, нежели европейской страной. В противном случае не было бы поэзии Пушкина и такого романа о чести и любви, как «Евгений Онегин». Но со временем идеи любви и чести разделяются; любовь как бы освобождается от оков чести. Анна Каренина ради любви с лёгкостью переступает через те нравственные преграды, через которые и не думала переступить Татьяна Ларина. С позиции строгих аристократических нравов роман Л. Толстого «Анна Каренина» представляет собой шаг назад по сравнению с романом «Евгений Онегин», не потому, что Толстой как писатель отстаёт от Пушкина, а потому, что времена уже другие; деградация строгих моральных норм и «освобождение любви» имеет

место в самой общественной реальности. Произошли изменения в самой нравственной среде. В Западной Европе этот регресс начался ещё раньше. Литература народов, создавших «Тристана и Изольду», «Ромео и Джульетту», не без влияния новой нравственной среды, созданной капиталистическим обществом, прошла путь нисхождения от большой любви до эротики. Да, это требование самой реальности. Правда, в азербайджанской литературе романтические традиции, хотя они и ослабли, еще продолжают жить. Но, к сожалению, наша нынешняя общественная реальность не соответствует и нашей ослабшей литературе. Вместе с тем, как нам кажется, на данном этапе литература больше должна быть носителем романтической и спасительной миссии, нежели быть реалистической и описательной. А в действительности, сегодня находятся и такие, кто считает чуть ли не героизмом опередить реальность, привнести в нашу литературу сцены из модернизированной жизни.

Феномен меджнунства (безумия), представленный в восточной любовной

поэзии как эталон любви, на Западе считается одной из форм псевдолюбви. Интересно, что иной раз на эту тему ведётся речь не в контексте восточной поэзии, а в контексте диагностики психически больных. Известный психиатр и философ XX века Эрих Фромм пишет: «Одна из форм псевдолюбви, довольно распространенная и часто воспринимаемая (и ещё чаще описываемая в кинокартинах и романах) как «великая любовь», - любовь *идолопоклонническая*. Если человек в своем развитии не достиг того уровня, когда он осознает себя, свою индивидуальность, коренящуюся в плодотворном развитии собственных сил, то он склонен «боготворить» любимого, делать из него кумира. Он отчуждается от собственных сил и направляет их на любимого человека, которому поклоняется как *summum bonum* (лат. – «наивысшее благо»), как носителю всяческой любви, всяческого света, всяческого блаженства»¹.

¹ Э. Фромм. Искусство любить // Душа человека. М., 1992, стр. 161.

На Западе любовь неотделима от реальной общественной жизни. Любовь выходит из тайников обособленного чувственного мира и вписывается в реалии жизни. Э. Фромм пишет: «Любовь возможна лишь в том случае, когда двое общаются друг с другом на самом глубоком уровне существования, и поэтому каждый из них переживает себя на этом уровне. Только здесь, в этом «глубинном» переживании, заложена человеческая действительность, жизненность, заложена основа любви. Любовь, переживаемая таким образом, - это постоянный вызов; это не место отдыха, а движение, развитие, совместная работа...»¹. На Западе такой подход превалирует и в литературе, и в кино. Но, к сожалению, во многих случаях современный западный мир выдвигает на передний план более примитивные, опущенные до животного уровня чувства. Реальность теряет право быть примером.

Мы посоветовали бы молодёжи черпать свои идеалы не из сегодняшней реальности, а из классической национальной

¹ Э.Фромм. Искусство любить, стр. 163.

литературы. Как минимум, в учебниках и программах мы должны уделить большое внимание образцам из классического литературно-художественного наследия, в которых выражены наши возвышенные чувства. Но с одним условием, чтобы литература, призывающая к высоким идеалам, была поддержана обществом, и чтобы делались реальные шаги в деле возвращения к национально-нравственным ценностям. Только этим путем мы можем идти в будущее с высоко поднятой головой.

Общество должно создавать условия для жизни каждого человека согласно велению его души. Это требование, поставленное ещё в начале минувшего века азербайджанскими поэтами, на Западе только-только стало выноситься на повестку дня как «права и свободы человека», как проблемы «гендера». Но Запад до сих пор не смог решить проблему согласования этих ценностей с их национально-духовными инвариантами. А наши великие писатели сделали ещё шаг вперед и, не довольствуясь требованием уничтожить преграды, созданные обществом, выступили с пози-

ции замены запретов доброй волей, возвышенностью души.

Именно на это обратил внимание известный азербайджанский драматург и поэт Дж. Джаббарлы в своей известной пьесе «Севиль», посвященной азербайджанской женщине, первой сбросившей чадру. И целомудрие, и нравственная чистота, и честность должны быть сохранены не путем закрытия лица, а путем возвышения до уровня, при котором чувства управляются более высокими чувствами и интеллектом. Однако сбрасывание чадры не должно быть понято буквально, уровень развития общества не должен определяться степенью обнаженности женщины: на первый план должно быть выдвинуто раскрепощение души, а не тела. Человек должен оставаться свободным в выборе образа жизни, убеждений, одежды. Честь и целомудрие также должны быть неделимой частью нравственной цельности, существовать как внутренняя потребность, а не проявляться в женской чадре и диктате мужчины над женщиной.

Сегодня, говоря о воспитательной функции красоты, прекрасных чувств,

любви, мы в то же время не должны упускать из виду то обстоятельство, насколько важно оптимальное соотношение разума и души. Любовь и интеллект сами по себе прекрасны, но ещё лучше, когда они дополняют друг друга.

Приложение

Избранные мысли о любви

Любовь – самая сильная из всех страстей, потому что она одновременно завладевает головою, сердцем и телом.

Ф. Вольтер

* * *

Владей страстями, иначе страсти овладеют тобой.

Этикет

* * *

Ничто великое в мире не совершается без страсти.

Гегель

* * *

Носителем всех движущих и познавательных сил является животная страсть.

Ш.Й. Сухраверди

* * *

Страсти – это ветры, надувающие паруса корабля, иногда они его топят, но без них он не мог бы плавать.

Вольтер

* * *

Да, половина, и притом прекраснейшая половина жизни остается скрытой для человека, не любившего со страстью.

Стендаль

* * *

Как только любовь становится счастливой, удовлетворяется, страстное желание в ней угасает, и это уже не любовь.

Мигель де Унамуно

* * *

Когда сердце не уместается в груди, у человека возникает потребность поделиться своим сердцем.

Абу Турхан

Красота и любовь – это тот свет духовности, который озаряет сердце.

Аида Имангулиева

* * *

...Кажется, что любовь – страсть, а дружба – приобретённое качество души.

Аристотель

* * *

Страсть уничтожает моё «Я», но я нахожу тебя.

Ибн Араби

* * *

Человека, желающего возвыситься, нужно испытать «силой страсти».

Насиреддин Туси

* * *

...Стремление получать физическое удовольствие, страсть к наслаждению, бу-

дучи первым врожденным пороком, связано с самой природой человека.

Насиреддин Туси

* * *

Чувственно-биологическое состояние человека, связанное с телесной энергией, дискретно, и оно не может сравниться с регулярным и постоянным чувством любви.

Абу Турхан

* * *

Страсть ценна в контексте любви, а любовь – в контексте реальной жизни.

Абу Турхан

* * *

Любовь заставляет биться сердце, учащает дыхание, вызывает краску на лице.

Ч. Дарвин

Сильная потребность любви часто принимается за самую любовь; если представится предмет, на который она может устремиться, препятствия превращают её в страсть, а удовлетворение уничтожает.

В. Г. Белинский

* * *

Подвержение любовному страданию людей, вообще не имеющих привычки любить, как и заражение болезнью людей, не имеющих иммунитета, может привести к тяжелым последствиям.

Абу Турхан

* * *

...Любовь – единственная свобода в этом мире, ибо она поднимает душу к вершинам, не доступным ни для людских законов и обычаев, ни для законов и велений природы.

Дж. Х. Джебран

* * *

Любить – это находить в счастье
другого свое собственное счастье.

Г. Лейбниц

* * *

Только счастье есть мерка и проверка
любви.

В. Г. Белинский

* * *

Любовь есть не что иное, как желание
счастья другому лицу...

Д. Юм

* * *

Любовь – это счастье, которое дарят
друг другу.

Жорж Санд

* * *

Любовь – это казна счастья: чем
больше она даёт, тем больше получает.

В. Мюллер

Если ты когда-либо был счастлив, то это было из-за любви. Если ты сейчас несчастен, знай: это от недостатка любви.

И.А. Ильин

* * *

Если любовь приемлема и допустима, это настоящее счастье.

А. Бакиханов

* * *

Когда мы приходим в мир, нам предоставляется выбор между любовью и счастьем, а мы хотим и того, и другого: счастья в любви и любви в счастье.

Мигель де Унамуно

* * *

Величайшее счастье, доступное человеку, любовь, - должно служить источником всего возвышенного и благородного.

Б. Паскаль

Любить – значит желать другому того, что считаешь за благо, и желать притом не ради себя, но ради того, кого любишь, и стараться по возможности доставить ему это благо.

Аристотель

* * *

Все добродетели есть не что иное, как любовь в разных видах.

Августин Блаженный

* * *

Любить – значит быть довольным своим состоянием души.

Хильми Зия Улькен

* * *

Любовь будет моим наставником в юности, опорой – в зрелости и другом – в старости. Любовь пробудет со мной до конца жизни, со смертью же рука бога соединит меня с тобою.

Дж. Х. Джебран

Любить – значит испытывать наслаждение, когда ты видишь, осязаешь, ощущаешь всеми органами чувств и на как можно более близком расстоянии существо, которое ты любишь и которое любит тебя.

Стендаль

* * *

Любовь – соль жизни.

Английская пословица

* * *

Любовью мир рождается, любовью он содержится, любовью он движется и в любовь вступает.

Р. Тагор

* * *

Любви свойственно надеяться, и она питается только надеждами.

Мигель де Унамуно

* * *

Любовь возвращает к жизни потерявшего надежду человека.

Абу Турхан

* * *

В истинной любви сгорают дотла.

Абу Турхан

* * *

Тот человек, кого ты любишь во мне, конечно, лучше меня: я не такой. Но ты люби, и я постараюсь быть лучше себя.

М. Пришвин

* * *

В молодости любовь проявляется более бурно, но не так сильно, не так всемогуще, как впоследствии.

Г. Гейне

* * *

Любовь столь всесильна, что перерождает и нас самих.

Ф. М. Достоевский

* * *

Любовь сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

И. С. Тургенев

* * *

Любовь — это... проявление бессмертного начала в существе смертном.

Платон

* * *

Любовь глядит в будущее и всегда стремится к нему, ибо ее творчество есть творчество нашего бессмертия.

Мигель де Унамуно

* * *

Любовь – это стремление к бессмер-
тию.

Сократ

* * *

Любовь – наше второе рождение.

О. Бальзак

* * *

Любовь – это желание жить.

М. Горький

* * *

Живут лишь в то время, когда любят.

К. Гельвеций

* * *

Любовь есть высшее содержание
жизни...

Н.А. Бердяев

* * *

Любовь – и смысл, и цель всей сути
сущей, -
Одной любовью жив любой живу-
щий.

Хафиз Харезми

* * *

Любовь – душа души.

Низами

* * *

Главная потребностью человеческой
природы является любовь.

А. Бакиханов

* * *

Любовь – это оживление души.

Абу Турхан

* * *

В сильной эмоции любви есть глу-
бина бесконечности.

Н.А. Бердяев

В молодости мы живём, чтобы любить, в зрелом возрасте мы любим, чтобы жить.

Ш. Сент-Эвремон

* * *

Даже после истощения своей внутренней движущей силы, любовь ещё долго продолжает свой путь. Это – принцип инерции в любви.

Абу Турхан

* * *

Любовь рождается из союза души и тела.

Абу Турхан

* * *

Любовь – это ответ на любовь.

Английская пословица

* * *

Кто сам не любит никого, того, кажется мне, тоже никто не любит.

Демокрит

* * *

Любовь – покорение человеческой душой другого тела или нахождение в нём прибежища.

Абу Турхан

* * *

Любить глубоко – это значит забыть о себе!

Ж. Ж. Руссо

* * *

Любить – это значит смотреть не друг на друга, а смотреть вместе в одном направлении.

А. Сент-Экзюпери

* * *

Нельзя любить ни того, кого боишься, ни того, кто тебя боится.

Цицерон

* * *

Все влюбленные клянутся исполнить больше, чем могут, и не исполняют даже возможного.

Шекспир

* * *

Любовь делает смысл всей жизни и деятельности человека зависящим от того, как это видится в глазах любимой.

Абу Турхан

* * *

Не человек тот, кто не влюбляется.

Кабус

* * *

Если хочешь, чтоб тебя любили, - люби.

Сенека

Нужно иметь что-то общее, чтобы понимать друг друга, и чем-то отличаться, чтобы любить друг друга.

Поль Жеральди

* * *

Возлюбленная в сердце влюбленного. Однако он ищет её во внешнем образе.

Ибн Араби

* * *

Любите друг друга, но не превращайте любовь в цепи: пусть лучше она будет волнующимся морем между берегами ваших душ.

Дж. Х. Джебран

* * *

Влюбленный радуется радости возлюбленной.

Абу Турхан

Что чувствует Земля при восходе Солнца, то же чувствует и влюбленный, видящий свою возлюбленную.

Абу Турхан

* * *

Влюбленный желает разделить самые прекрасные мгновения лишь с возлюбленной.

Абу Турхан

* * *

Любить — это желание быть любимым.

Платон

* * *

Любовь одна, а обитает в двух сердцах.

Ассирийская пословица

* * *

Словно весь мир разделяет радость влюбленных!

Абу Турхан

Сердце не каждую красавицу полюбит.

Дж. Руми

* * *

Всё, сделанное любимой, прекрасно.

Ибн Араби

* * *

И любящий я, и любимое мною — «Я».

Ибн Араби

* * *

Возлюбленная — на самом деле зеркало: она показывает влюбленному им самим созданный идеал.

Абу Турхан

* * *

Любить — значит переживать радости и страдания другого.

Абу Турхан

Супружеская любовь размножает человеческий род, дружеская – совершенствует его, а безнравственная – развращает и унижает.

Ф. Бекон

* * *

Идеал, который должен ставить перед собой брак, - это через физическую близость достичь духовного единения.

М. Ганди

* * *

Лишь сильная любовь может загладить те мелкие недоразумения, которые возникают при совместной жизни.

Т. Драйзер

* * *

Любовь – это готовность стареть с другим человеком.

А. Камю

Брак без любви хуже, чем невозможность жениться на любимой.

Неизвестный

* * *

Не тождество, а различие между женщиной и мужчиной делают семью устойчивой. Любовь сама возможна благодаря этому различию.

Абу Турхан

* * *

Подобно тому, как любовь не имеет более близкой подруги, чем ревность, так она не имеет и большего врага.

Дж. Бруно

* * *

В ревности больше самолюбия, чем любви.

Ф. Ларошфуко

* * *

Дружба – это любовь без крыльев.
Дж. Байрон

* * *

Любовь – пьянящее вино, дружба –
бодрящая вода.
Грузинская пословица

* * *

Есть невзаимная любовь, а невзаим-
ной дружбы нет.
Абу Турхан

* * *

Жизнь любви продлевает дружба.
Абу Турхан

* * *

Дружба рождается из тождественно-
сти, любовь – из различия.
Абу Турхан

* * *

Чувство и разум, как парус и штурвал корабля жизни. Один приводит к движению, другой направляет.

Дж. Х. Джебран

* * *

Любовь часто отнимает разум у того, кто его имеет, и дает тем, у кого его нет.

Д. Дидро

* * *

Сердце может прибавить ума, но ум не может прибавить сердца.

А. Франс

* * *

...Правильно сказано, что «невозможно любить и быть мудрым».

Ф. Бекон

* * *

Ум – тень сердца.

Э. Мийанеджи

Кто-то сказал: «Не ждите ничего хорошего от любви, управляемой умом».

Ибн Араби

* * *

Для расцвета любви нужна плодородная почва.

Абу Турхан

* * *

Не охлажденная умом пылающая любовь улетучится.

Абу Турхан

* * *

Любовь – это торжество сердца над умом.

Абу Турхан

* * *

Если бы каждый любил соразмерно своему уму!

Ибн Араби

Невозможно на одних лишь крыльях любви возвыситься до национального духа. Для этого необходимо единение любви и ума.

Абу Турхан

* * *

Разлука для любви то же, что ветер для огня: маленькую любовь она тушит, а большую раздувает ещё сильнее.

А. И. Куприн

* * *

Красота возвышает нравственные достоинства; но без них красота в наше время существует только для глаз, а не для сердца.

В. Г. Белинский

* * *

О красота, найди себя в любви – а не в лести своих зеркал.

Р. Тагор

Внешний блеск ослепляет глаза,
внутренний их открывает.

Абу Турхан

* * *

Любовь – изящество и молодость.

Ибн Сина

* * *

Внешняя и внутренняя красота не
могут блистать одновременно. Сначала от
блеска первой не видно второй, но как
только проявляется вторая, то оставляет
первую в тени.

Абу Турхан

* * *

Духовное существо человека стано-
вится цельным благодаря лишь чувству
красоты.

Абу Турхан

* * *

Красота не вмещается в сознании.

Ибн Араби

Меркою достоинства женщины может быть мужчина, которого она любит.

В. Г. Белинский

* * *

Истинно-человеческая любовь может быть основана только на взаимном уважении друг в друге человеческого достоинства, а не на одном капризе чувства и не на одной прихоти сердца.

В. Г. Белинский

* * *

Уважение имеет границы, а любовь — никаких.

М. Ю. Лермонтов

* * *

Любовь без уважения далеко не идет и высоко не поднимается: это ангел с одним крылом.

А. Дюма-сын

* * *

Любовь – это слияние мира мечты с действительностью.

Абу Турхан

* * *

Любовь уносит почву из-под ног влюбленного, и он переселяется в мир грез.

Абу Турхан

* * *

Влюбленный не должен отличать встречу от расставания.

Ибн Араби

* * *

Влюбленный не может знать, что он влюблен.

Ибн Араби

* * *

Как чудесна сура о любви;

Пред любовью четыре священные
книги

Не стоят и одного стиха.

Дж. Руми

* * *

Любовь больше всего связана с не-
определённостью, загадкой, тайной и ма-
гией. В сущности, она поиск некоего чуда.

Абу Турхан

* * *

Мир достигает совершенства с по-
мощью любви.

Хильми Зия Улькен

* * *

Дух влюбленного — свет, а тело —
мрак.

Ибн Араби

* * *

Тайны души раскрываются лишь в свете любви.

Абу Турхан

* * *

Когда в сердце горит любовный свет,
тьма рассеивается.

Абу Турхан

* * *

Любовь сеет свет, без нее мир – мрак. Не думай, что увиденное тобой во мраке – истина.

Абу Турхан

* * *

Глубинные слои человеческой души освещаются не мыслью, а любовью.

Абу Турхан

* * *

На Востоке свет познания растворяется в свете любви. На Западе – наоборот.

Абу Турхан

Хотя с течением времени огонь любви и затихает, искры воспоминаний каждый раз её воспаляют.

Абу Турхан

* * *

Внутри каждого света есть любовь к высшему свету.

Ш.Й. Сухраверди

* * *

Бог есть любовь; это единственная истина, которую я всецело признаю. Любовь равна Богу.

М.К. Ганди

* * *

Любить – видеть человека таким, каким его задумал Бог и не осуществили родители.

М. И. Цветаева

* * *

Религия и любовь, они не берут часть души, им часть не нужна, они не ищут скромного уголка в сердце, им нужна вся душа, они не делят её, они пересекаются, сливаются.

А.И. Герцен

* * *

Чтоб видеть Бога, надо быть влюблённым.

Насими

* * *

Любить Бога – значит любить все Его создания.

Абу Турхан

* * *

Любовь к родине является ступенью на пути восхождения от индивидуальной любви к божественной.

Абу Турхан

* * *

Путь любви к Богу проходит через любовь к людям и природе.

Абу Турхан

* * *

Божественная любовь рождается из соединения любви и чувства святости. Высшая ступень любви – момент единства сущего!

Абу Турхан

* * *

При первой любви душу берут раньше тела: позже его берут прежде души, а иногда и совсем не берут души.

В. Гюго

* * *

Мнимый образ первой любви создается самим влюбленным. Как может творец не любить своё творение?!

Абу Турхан

* * *

Если первая любовь не смогла осветить все затаённые уголки сердца, значит «первая любовь» будет ещё не раз.

Абу Турхан

* * *

Любовь торжествует с первого взгляда при романтической обстановке.

Стендаль

* * *

Любовь, как слеза: начинается с глаз и попадает в сердце.

Публилий Сир

* * *

Любовь – мелодия.

А.С. Пушкин

* * *

Любовь – как солнце для цветов: сильным дает силу, а слабых высушивает.

Ирландская пословица

Узы грусти связывают сердца крепче
уз блаженства и радости.

Дж. Х. Джебран

* * *

Всю свою жизнь человек инстинктивно и интуитивно стремится к дополнению, целостности и единству.

Абу Турхан

* * *

Из всех тропинок, ведущих к сердцу женщины, жалость – самая короткая.

Дж. Байрон

* * *

Женское тело – те же стихи!
Радуюсь дням созиданья,
Эту поэму вписал Господь
В книгу судеб мирозданья.

Г. Гейне

* * *

Мужская любовь частична, она не захватывает всего существа. Женская любовь более целостна. Женщина легко делается одержимой. В этом смертельная опасность женской любви.

Н.А. Бердяев

* * *

И мужчина, и женщина рождаются однокрылыми. Для того, чтобы вознестись и летать, нужно соединение крыльев.

Абу Турхан

* * *

Женщина, которую боги одарили красотой души, соединенной с красотой тела, - это и явь, и загадка. Истина её открыта тем, кто смотрит на нее глазами чистоты и любви, но спрятана в тумане смятенной растерянности от жаждущих описать её словами.

Дж. Х. Джебран

* * *

На вершине цивилизации, я не сомневаюсь, женщины с нежной душой доходят до того, что испытывают физическое удовольствие только с мужчинами, которых они любят.

Стендаль

* * *

Любовь – лична, индивидуальна, направлена на единственно, неповторимое, незаменимое лицо. Половое же влечение легко соглашается на замену, и замена действительно возможна.

Н.А. Бердяев

* * *

Любовь начинается с больших чувств, а кончается маленькими ссорами.

А. Моруа

* * *

Любовь и ненависть умирают, когда перестают расти.

Жан Поль Сартр

Унижение любви вызывает чувство ненависти. Однако ненависть не может полностью вытеснить любовь, поэтому часто они живут вместе.

Абу Турхан

* * *

Воссоединение опускает романтическую любовь на землю. При неудачном спуске любовь умирает. Когда спуск постепенный, любовь переходит в новую форму – семейную любовь.

Абу Турхан

* * *

Воссоединение опускает любовь на землю, лишает её вечной поэзии.

Асиф Ата

* * *

Освобождение нашей физической природы – в достижении здоровья, нашего социального организма – в достижении

доброты, а нашего «Я» - в достижении любви.

Р. Тагор

* * *

Любовь есть причина существования всех вещей.

Ибн Сина

* * *

На самой низкой ступени любовь остаётся политикой. На самой вершине любовь – религиозное состояние сознания.

Ошо

* * *

Сходить с ума стоит только от любви.

Мех-Пара

Оглавление

Предисловие	5
Чувство любви.....	13
О формах любви: любовь как тождество и любовь как дополнение	36
Любовь и разум	50
Любовь и религия.....	71
Две крайности одного явления: первая любовь и сексуальное чувство.....	98
Социализация женщин и трансфер любви.....	119
Сравнительный анализ восточной и западной концепций любви	134
Избранные мысли о любви.....	159

*Читатели могут выслать свои
отзывы и предложения по следующему
адресу:*

E-mail: ssx@azun.baku.az